

13 МИРОВ ДАНИЭЛЫ

Таня Мороз



12+

Таня Мороз
13 Мироз Даниэлы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Мороз Т.

13 Миров Даниэлы / Т. Мороз — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-98928-3

Девочка из старинного немецкого городка Хамельн выдумывая фантастические истории неожиданно попадает в невообразимые приключения на стыке времен и миров. Реальная жизнь рушится, уступая место новым друзьям и страшным тайнам. Спасая миры, храня свои и чужие секреты, Даниэла взрослеет, влюбляется и живет, оказывается в самом центре больших побед и катастрофических поражений.

ISBN 978-5-532-98928-3

© Мороз Т., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	16
Глава третья	28
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Таня Мороз

13 Мироз Даниэлы

Глава первая

Томас

Даниэла пряталась от фрау Хельги за широкой спиной Михаэля, своего упитанного одноклассника. Поёрзав и усевшись поудобнее, Михаэль выудил из кармана носовой платок и протер вспотевший и взъерошенный затылок. В полной тишине раздавался монотонный голос учительницы и скрип мела о доску.

Девочка увлечённо рисовала меч, острым лезвием воткнутой в прибрежную гальку, и воду, синими прожилками разливающуюся за край листа. Она старательно заштриховывала выступающий из-под воды камень, и вдруг нечаянно прорвала бумагу и испортила рисунок.

– Фу! – Даниэла досадливо выдохнула, сложив губы трубочкой, – получилось неприлично громко. Фрау Хельга резко обернулась, застыв с кусочком мела в пальцах. Бордовый костюм излишне подчёркивал бледность её лица. Она возмущённо поджала и без того тонкие губы и отложила мел.

– Даниэла, вы совершенно меня не слушали! Что там у вас? Дайте сюда листок! – Одноклассники разом обратили на неё внимание, и щёки Даниэлы порозовели от смущения.

– Ха! Чокнутая! – закричал на весь класс Михаэль, смерив девочку высокомерным взглядом и покрутив пальцем у виска. Он резко взмахнул рукой перед её лицом, пытаясь вырвать рисунок, но стул под ним предательски закачался, Михаэль ухватился за парту, а его карандаши и ручки с грохотом покатались на пол. Раздавшиеся издевательские смешки с трудом остановил окрик фрау Хельги:

– Тишина! Михаэль, прекрати!

Даниэла торопливо скомкала испорченный рисунок. Подбирая с пола ручки и карандаши Михаэля, она посмотрела на часы: 17.30. До конца занятия оставалось ровно пятнадцать минут. Собрав всё, она вернулась за парту, стараясь не обращать внимания на сузившиеся от ненависти глаза Михаэля. Подперев щёку ладонью, Даниэла уставилась в окно.

Разыгравшийся ветер гонял по футбольному полю и беговым дорожкам пожелтевшие листья и раскачивал дуб, растущий прямо под окнами школы. Голые ветки, стучаясь друг о друга и касаясь стекла, шумели. Больше трёхсот лет назад на этом месте была роща, потом остался городской парк, а тридцать лет назад здесь возвели жилой микрорайон. Из деревьев выжил только дуб. Об этом дубе (ему дали имя Томас) всегда ходили нехорошие слухи, неправдоподобные выдумки, но существовали и неоспоримые факты. В прошлом году пятиклассник лишился глаза, доставая закатившийся под крону мяч. После этого он нёс такую окопесу относительно дерева, что его уpekли в клинику неврозоз под Ганновером и в школу он больше не вернулся. К тому же Томас являлся единственным деревом в округе, ветки которого никогда не подпиливали городские службы, игнорируя опасность разбитых стекол во время ветров. Кстати, любые попытки ликвидировать это дерево заканчивались мистическими происшествиями. Хотя на территории школы пропадали дети – не возвращались после занятий домой и всё, – Даниэла не верила, что это хоть как-то связано с деревом. От раздумий веки её отяжелели, и она незаметно заснула. Последней её осознанной мыслью было – бред, полный бред! Школьные небылицы, страшилки, выдуманные детьми!

Во сне, окружённая густым туманом, Даниэла шла на доносящийся издалека голос. «Томми... Томми...Томми-и-и...Мы умираем, Томми...» Туман, гонимый ветром, поднимался от реки Везер, неосязаемым облаком клубился у её ног, обволакивая кроссовки, путаясь в шнурках. Поднимался всё выше и выше, захватывая колени, бёдра, грудь... Настойчиво забирался Даниэле под волосы и свитер, вился у ресниц и белесыми тягучими нитями оседал на них. Распадаясь под ладонями на невидимые фракции, пропускал её вперед, вязким киселём оседая во рту и лёгких. Едва слышный голос, разбитый на тысячи осколков эхом, манил... «Томми, Томми...» Как слепая, хватая руками влажный воздух, Даниэла шла на этот зов. «Томми-и...Мы умираем, Томми...» Вдруг её грубо схватила за плечо чья-то невидимая рука: «Эй! Проснись, чокнутая!» От ужаса Даниэла вскрикнула.

С трудом разлепив глаза, она увидела перед собой лицо Михаэля с высунутым влажным языком – мясистый, с сизыми прожилками и каплями слюны по краям, он трясся, словно желе на тарелке. Брезгливо скривившись, она треснула мальчишку по голове учебником математики, получилось громко – увесистая книжка! Фрау Хельга наблюдала за ними, и выражение её лица не предвещало ничего хорошего. Урок закончился, дети хватили рюкзаки и куртки, громко переговариваясь, поспешно покидали класс.

– Даниэла, стой! Я настоятельно рекомендую дополнительные занятия. Тебе нужно подтянуть математику! Нельзя быть такой рассеянной, и мне неприятно, когда на уроке вертятся или рисуют. И, что превосходит все мои ожидания, – спят! Не хочется сообщать об этом твоим родителям – или, может, мне всё же им позвонить?

В ожидании ответа фрау Хельга нервно постукивала карандашом по столу и в упор, не мигая смотрела на Даниэлу. За её спиной Михаэль корчил отвратительные рожи, надувал толстые щеки и крутил пальцем у виска.

– Михаэль, прекрати! Или мне позвонить и твоим родителям? – Фрау Хельга устало отложила карандаш, отвернулась от них и принялась вытирать доску.

– Ладно, идите, дети. Завтра прошу без опозданий.

Под напором тряпки формулы исчезали, размазываясь белыми отвратительными разводами. Даниэла, не обращая внимания на Михаэля, закинула на плечи рюкзак и застегнула молнию куртки.

– До свидания, фрау Хельга.

* * *

Перепрыгивая через ступеньки, Даниэла думала о дереве по имени Томас, определённо скрывающем таинственную угрозу. Назвать дуб обычным мальчишеским именем? Почему? И этот пугающий сон, приснившийся ей на уроке... И зачем она вообще шла на голос, пронизывающий даже не её имя? Даниэла до сих пор ощущала влажный туман, проникающий в лёгкие, заставляющий с шумом втягивать в себя ледяной воздух. Казалось, она могла раздвинуть ускользящую субстанцию рукой, как молочную кашу ложкой, пытаюсь разглядеть где-то там, в глубине, мрачные, иссиня-чёрные когтистые тени. Гнетущее впечатление от этого сна не проходило, и настроение у неё окончательно испортилось.

Решив немедленно удовлетворить свое любопытство, Даниэла обошла здание школы, направляясь к Томасу. На спортивной площадке дворник сметал оранжевые листья в небольшие кучки, оголяя асфальт, землю и кое-где пожухшую коричневую траву, но разгулявшийся ветер вновь и вновь раскидывал их по территории школы. Даниэла дождалась, когда дворник понёс прочь два чёрных пластиковых мешка, набитых листьями, натянула капюшон куртки и внимательно осмотрелась – надо было убедиться, что дурачок Михаэль за ней не следит. Школьный двор казался притихшим и совершенно пустынным. Макушка дуба уходила в гро-

зовые облака; там, в вышине, каркала ворона, но вскоре и она, качнув упругие ветки, тяжело поднялась ввысь, хлопая крыльями.

Секунда раздумий – и Даниэла уверенно ступила в многолетнюю перегнившую листву. Покачиваясь с пятки на носок, как на мягкой подушке, она обошла молочно-белый ствол по кругу, считая шаги. Получилось двенадцать. «Дерево как дерево, – подумала Даниэла. – Понапридумывают небылиц!» Намного выше её роста она вдруг заметила неровные, кособокие буквы, наползающие одна на другую. С трудом прочитала: «Ирен». Годы так и не сумели затянуть страшную рану дерева. Даниэла прижалась щекой к стволу – шершавая, грубая поверхность оказалась пульсирующей и тёплой, будто внутри kloкотал океан, шумно перекачивая камешки во время прибою. Вскоре между трещинками в коре пошел пар – он вырывался тонкими белыми струйками, обжигая ладонь. Даниэла вскрикнула, отдернула руку, но неожиданно невидимый резиновый жгут обернулся вокруг её запястья, заставляя запрыгать в попытках освободиться. Даниэла тянула руку к себе, дерево – к себе. Наконец, запыхавшись, она догадалась упереться ногой в ствол. Удерживая другой ногой равновесие на мягком грунте, девочка дернулась что было сил и оборвала невидимую нить. Кривясь от боли, поднесла ладонь к губам, подула на неё – на воспалённой коже надувались прозрачные пузыри. Даже в свете сгущающихся сумерек ожог выглядел впечатляюще. Дерево под порывами ветра клонилось, нависая над ней тяжёлыми ветками, скрывая пасмурное небо. Даниэла оказалась будто в шатре и, с трудом сдержав крик ужаса, упала на колени, пытаясь найти просвет между ветками, однако что-то ещё было не так – исчез цвет. Внезапно всё закружилось, перемещаясь в сумасшедшей чёрно-белой круговерти. Даниэла решительно зажмурилась и поползла, раскидывая в разные стороны комья земли и листья. Ветки царапали лицо, вырывали её рыжие волосы. Девочка пребывала в уверенности, что барахтается на месте, подтягиваясь на локтях, а в следующий момент отталкиваясь ногами. Рюкзак мешал, земля с перегнившими листьями легко поддавалась ладоням, ногам не хватало упора. Она будто скользила, тонула в лесном озере. Даниэла двигалась несмотря ни на что, с упорством пловца на стометровке. В какой-то момент под руку ей попался торчащий из земли упругий корешок. Даниэла ухватила за него, подтянулась. Приоткрыв глаза, выглянула из-под капюшона, заметила просвет; страх навсегда остаться под этим деревом толкал её вперед, только вперед; ветки нещадно хлестали по ногам и спине. Она поняла, что отползла на приличное расстояние, когда цвет начал возвращаться яркими бликами и в чёрно-белой картинке мира возникли цветные пятна – зрительские стульчики, потом деревянные ступени лестницы, выкрашенные голубой краской. Даниэла привалилась спиной к чему-то жёсткому и в то же время пружинистому. Это было автомобильное колесо, наполовину вкопанное в землю, – ограждение палисадника школы. Отдышавшись, она потянула за ремешок часов на запястье. Время застыло на 18.22 – длинная минутная стрелка смялась посередине, придавленная треснувшим стеклом. Аккуратно вытащив стеклышки, она спрятала часы в карман. «Ох и достанется от мамы! Это дорогие часики, подарок на мое тринадцатилетие». Из колена сочилась кровь, в рваную дыру на колготках попал песок. Даниэла ощупала голову, обнаружила болезненную шишку над левым ухом и пропажу заколки. Она поднялась, стряхивая налипший на юбку и куртку мусор, и непроизвольно всхлинула. В сгущающихся сумерках дерево шумело и раскачивалось от порывов ветра, громадное и пугающее. Томас будто тянул к ней свои шупальца – длинные искривлённые тени. Даниэла отступила. И тут, ко всему прочему непрекращающуюся безумию, она услышала голос – он, будто плохо настроенное, трескучее радио, прозвучал в её голове:

– МЕРЗАВКА! ПОШЛА ВОН! ВОООН!

От охватившего её бессилия Даниэла подняла с земли увесистый камень и замахнулась:

– Отстань! Ты обычный дуб! Самый обычный! – Её сердце заколотилось как бешеное.

Томас молчал, казалось, даже ветер затих. Облака развеялись, обнажив полную белую луну.

Даниэла взяла себя в руки, передумала швыряться камнем, разжала пальцы, и тот с глухим стуком упал на землю. – Привидится же такое!

Покидая школьный двор, Даниэла всё же пару раз обернулась. А потом, когда бежала не разбирая дороги, всё думала о Томасе, думала, думала... «Этого не может быть! Просто моё бурное воображение сыграло со мной злую шутку! Солнце село, тучи, сильный ветер и... А голос? Я определённо слышала жуткий, нечеловеческий голос! Дуб говорил со мной! Как такое вообще возможно?»

* * *

Даниэла пришла в себя на перекрестке, почувствовав чужие цепкие пальцы на плече. От неожиданности она вздрогнула и подняла глаза. Незнакомка близко наклонилась к её лицу, выдохнув ароматом восточных пряностей, – нарядно одетая женщина в воздушном шифоновом платье, развевающимся на ледяном ветру. В электрическом свете ткань, отливая алым, переходила в зелёный перламутр, искрясь серебряными вспышками. Прозрачайший шифон! И это – в середине октября! Даниэла на секунду позабыла о Томасе, перевела взгляд на пальцы, впившиеся ей в плечо, – неестественно белые, с заостренными фиолетовыми ногтями. Женщина ее и участливо погладила по спине:

– Всё в порядке, деточка? Не нужно так спешить! Аккуратнее переходи дорогу, дожись зелёного света. – Машины пронеслись мимо них на бешеной скорости. Даниэла обернулась к светофору – табло горело красным. Звуковое оповещение отсчитывало секунды: 24, 23, 22...

– Спасибо вам! – произнесла девочка, но слова благодарности повисли в воздухе – женщина исчезла. Странно – Даниэла не почувствовала, как женщина отошла от неё, и не услышала стука каблучков о мостовую. Поправив лямки рюкзака, Даниэла вернулась к мыслям о Томасе. После пережитого кошмара женщина в бальном платье посреди холодной улицы показала ей сущей ерундой. Дождавшись зелёного, Даниэла пошла умеренно быстрым шагом, успокаивая дыхание и стук сердца.

* * *

Город Хамельн, восточная Германия. Улица Зюнтельштрассе, дом сорок девять, квартира два. Открывая дверь подъезда, Даниэла обернулась на пустынную улицу, ярко освещённую фонарями. Убедившись, что её никто не преследует, шумно выдохнула, поднялась по лестнице и зашла в квартиру.

– Mam! Pap! Я пришла!

– Ты почему так долго, Дени? – прозвучал обеспокоенный папин голос из гостиной. – Мой руки, ужин на столе. Начинается матч, поторопись, доча! – Через приоткрытую дверь родительской спальни пробивалась тусклая полоска света. По звуку тихо работающего телевизора было понятно, что мама уже спит. Даниэла поморщилась, снимая куртку, – обожжённая ладонь задела резинку в рукаве. Она быстро разулась, потянулась к крючку и, вешая куртку, охнула – спину кольнула острая боль в районе лопаток. Томас хорошенько её поколотил.

– Хорошо, пап, я сейчас!

В ванной комнате девочка стянула с себя выпачканные вещи – пришлось повозиться с колготками, в дыре оказалось много песка. Песчинки рассыпались по плитке, отвратительно приклеиваясь к пяткам. Сметая их в кучку, она застыла, разинув рот. Ей на секунду показалось, что корявый сучок, непостижимым образом извиваясь, стремительно полз к корзине с бельем. Как в фильме ужасов, он шипел и выкручивался. Даниэла отрезала ему путь к побегу веником, накинула сверху мокрую тряпку. Уверенная, что ей это всё привиделось, она подняла веточку.

– Этого еще не хватало! И что прикажешь с тобой делать, вражеский лазутчик? – Повертев в пальцах совершенно обычную веточку, Даниэла решила, что воображение снова сыграло с ней злую шутку. Сучок, не больше трех сантиметров в длину, был недвижим. Даниэла, стараясь дышать ровнее и не поддаваться необоснованной, по её мнению, панике, зашла на кухню и воткнула сучок в горшок с гортензией. Вернувшись в душ, она смыла с себя грязь, посмотрелась в зеркало. Царапины на лице – раз. Неглубокие, это хорошо. На спине бордовое пятно, к утру разольется синяк – два. Обработала разбитое колено – три и забинтовала обожжённую ладонь – четыре. Морщась от боли, девочка натянула пижаму. Она долго размышляла: как объяснить произошедшее родителям? Сказать, что упала? Другого объяснения Даниэла придумать не могла. Не рассказывать же им бредовую историю о Томасе? Сумерки, ветер и воображение! Даниэла рассмеялась. Звук собственного голоса заставил её замереть – в нём всё ещё звучала едва сдерживаемая истерика. «Похоже, мои фантазии вторгаются в реальную жизнь и крушат её! Чудится невесть что!»

Даниэла, порывшись в рюкзаке, достала учебник истории, прилегла на кровать, раскрыла его и задремала. Через несколько минут книга из разжавшихся пальцев упала на пушистый ковер.

«Томми, помни: ты не одинок... Пусть я не рядом, но я навсегда останусь твоей матерью. Томми... А... Спасенья нет... Этот ноющий звук, приносящий с собой боль и отнимающий последнюю надежду... Томми, им нужна наша жизнь... Томми, мне так жаль тебя – лишиться семьи в один день. Что может быть ужаснее этого? Ведь даже смерть – облегчение... Моё облегчение – твоя жизнь. Томми...»

Белесый туман развеялся перед Даниэлой, возникли подёрнутые рябью чёрно-белые кадры. Дубовая аллея, тянущаяся до дальней развилки к кустам раскидистого боярышника. Одна из тропинок вела к домикам на пригорке – кособокие и смешные, они утопали в величественных деревьях. Даниэла, сощурившись, присмотрелась – картинка, вне всякого сомнения, чёрно-белая, но откуда у неё уверенность, что черепица на домишках именно красная или почти красная? Может, дело в полутонах? Девочка напрягла зрение: чёрный не совсем чёрный, а белый – не совсем белый? Она наблюдала за всем с огромной высоты – пятый этаж, шестой? Дубовые ветки, нависающие над гуляющими людьми в старинных одеждах, закрывали обзор. Одна из барышень оглянулась, запутавшись в подоле длинного пальто; нервно дернула за кожаный ремешок собачонку, смешно подсакивающую на тонких дрожащих лапах. Даниэла с любопытством наблюдала за барышней, пока зонтик, который та держала в руке, не исчез за поворотом. Картинка, прерываясь, пошла чёрными пятнами. Моросил мелкий дождь или ещё что – Даниэла не могла разглядеть. И вдруг крупным планом – ветка со свежими, набухшими почками и капелька воды, плотная прозрачная линза, отражающая тяжёлые перистые облака. Опустив глаза, Даниэла ахнула. Прямо под её ногами, далеко внизу – кованая скамейка; сидящий на самом краешке мужчина приподнял воротник плаща, спасаясь от ветра. Даниэла отчётливо видела кружок от шляпы и его крупные кисти, сжимающие набалдашник трости. Томас...

Она видела мир глазами Томаса. Каким-то непостижимым образом он транслировал ей свои воспоминания. «Вылези из моей головы, мерзавка! Пошла вон! Вон!» В эту секунду её грубо вытолкнули с огромной высоты. Раскинув руки, она стремительно падала, земля с протоптанными тропинками катастрофически приближалась. «Пошла... во-о-он...»

Всю ночь Даниэле снились кошмары. От снов её освободила боль – ладонь дергало, выкручивая пальцы. Сев в постели, она размотала сбившийся бинт, взглянула на рану: один из пузырей лопнул, оголив красную, болезненную плоть. Даниэла вспомнила о веточке, снова неумело замотала ладонь и пошла в кухню.

Горшок с цветущей гортензией, широко раскинувшей зелёные листья, которые, казалось, радуются солнечному свету, красовался на подоконнике. Скрюченная сухая веточка без при-

знаков жизни, воткнутая Даниэлой в землю с края, смиренно торчала в горшке. Даниэла потрогала её пальцем. Гортензия нового соседа будто не замечала, горделиво выставив свои бархатистые цветы. Даниэла, окончательно уверившись в невозможности происходившего накануне, подумала, что рациональное объяснение можно найти всему, и вчерашнему приключению в том числе. Но объяснение не находилось. И девочка решила заняться повседневными делами, а размышления оставить на вечер.

* * *

Даниэла опаздывала на занятия в студию живописи. Поборовшись с молнией на куртке и шнурками на кроссовках, она наконец захлопнула входную дверь и, перепрыгивая через ступеньку, выскочила на улицу. Она бежала, то и дело поправляя лямки рюкзака и придерживая под мышкой папку с бумагой, – но всё же опоздала на десять минут. Преподаватель приложил указательный палец к губам, призывая Даниэлу вести себя потише и не мешать другим. Стараясь никого не задеть, она пробралась к своему месту в самом углу. Торопливо прикрепила кнопками шероховатый лист акварельной бумаги, оглянулась на Хелену, кивнула в знак приветствия. Рисовали с натуры – глиняный горшок, мягкое клетчатое полотенце и жёлтое яблоко.

– Только карандашом, – шепнула Хелена. – А что с твоей рукой? – Она наклонилась к её плечу, распространяя запах терпких восточных духов. «Мамины», – подумала Даниэла.

– Так, ничего, яичницу жарила и перестаралась. – Даниэла улыбнулась, как ей показалось, удачной шутке, и выбрала карандаш с маркировкой ТМ. Но Хелена не унималась:

– А царапины на щеке?

Даниэла пожала плечами. Они с Хеленой были приятельницами по кружку, и рассказывать ей более чем странную историю о Томасе не хотелось, а придумывать ложь – тем более. Кое-как приладив карандаш между указательным и большим пальцем руки, Даниэла принялась за набросок. Вскоре она увлеклась, забыв о боли в ладони, и до конца занятия практически закончила натюрморт. После занятий они прогулялись до остановки автобуса – Хелена жила в пригороде и ходила в другую школу. Даниэла помахала вслед отъезжающему автобусу, лицо Хелены на секунду мелькнуло за стеклом.

* * *

Даниэла ненадолго замерла перед воротами, взяла себя в руки и потянула железную калитку. Опаздывающие дети стайками заходили в распахнутые двери школы, не обращая на неё никакого внимания. Даниэла поднялась по ступенькам и прошла длинным коридором до класса. Там стоял гомон, дети спорили, кидались бумажками. Она села на самый краешек парты, подальше от окна и, стараясь не смотреть в сторону Томаса, раскрыла учебник. Вошла фрау Хельга, как всегда, строго осмотрела класс. Моментально установилась тишина.

– Записываем дату. Сегодня 17 октября 2013 года. Четверг.

Михаэль, обернувшись, показал Даниэле крупный кулак, похожий на надутую боксёрскую перчатку:

– Вовремя ты вчера сбежала, Даниэлка! Хотя... Смотрю, кто-то тебя хорошенечко отделал... Так тебе и надо! Чокнутая! – Наклонившись, он издевательски хихикнул ей в лицо. Вид его раскрасневшегося лица, усыпанного подростковыми угрями, выдавленными и оставшимися зреть, заставил Даниэлу отшатнуться. Она собралась ядовито ответить Михаэлю, но наткнулась на внимательный взгляд фрау Хельги.

Во время перемены Даниэла, отвернувшись, делала пометки на полях книги. На уроке немецкого писали изложение, сюжет которого увлек её. В какой-то момент, уже на уроке истории, девочка, забывшись посмотрела в окно и замерла. «Этого просто не может быть! Потому

что быть этого не может!» Дотянувшись самой тоненькой веточкой, на запотевшем стекле Томас изобразил овал, а в нём – цветок гортензии. Даниэла вытаращила глаза на рисунок. «ПРИХОДИ». Это слово прозвучало у неё в голове – на этот раз чётче, чем там, у дерева. Похоже, Томас сумел настроиться на её волну. Даниэла что есть силы сжала учебник, не обращая внимания на боль в ладони. «Этого не может быть! Этого просто не может быть!» Одноклассники, занятые составлением карты наполеоновских сражений, шептались друг с другом. Никто ничего не замечал. «ПРИХОДИ, НЕ БОЙСЯ». Даниэла резко отвернулась и уставилась на доску. Томас рушил привычную картину её мира. Обычно девочка всё выдумывала сама – её фантазии не знали границ. А тут... Этому просто не было никакого здравого объяснения. В одном она была твёрдо уверена: так просто Томасу её не достать! Рисунок на стекле медленно исчезал, и к концу занятия о нём не осталось никакого напоминания.

* * *

После школы Даниэла созвонилась со своим давним другом Питером и договорилась о встрече. Шагая к маленькому кафе в центре, она старалась не поскользнуться. Озябшие руки держала в карманах куртки – температура на улице упала ниже нуля. Прохожие, попадающиеся ей навстречу, прятали лица в шарфы и воротники пальто. Все спешили по своим делам – по реальным делам. С ними не случилось того, что с ней! Рассказать родителям или хоть кому-нибудь о своем вчерашнем приключении – это как минимум попасть на сеанс к психологу или даже чего похуже. Питер был единственным, кто мог её выслушать и, возможно, дать дельный совет. Даниэла неожиданно вспомнила, как они с Питером познакомились.

...В тот день, много лет назад, палило жгучее солнце. Даниэла еле успевала за мамой, держась за прутья продуктовой тележки, наполненной доверху, которую мама с трудом толкала к выходу. Даниэле очень хотелось пить, и она ныла от самой кассы всю дорогу до машины.

– Пить! Я хочу пить!

– Ну подожди минутку, у меня руки заняты! – Складывая покупки в их старенький «мерседес», мама нервничала – пакеты не умещались в багажнике. Неожиданно к ним подкатил худенький, высокий мальчик на железном самокате. Даниэле хорошо запомнилась торчащая из кармана его джинсовых шорт голова динозавра – зелёная, резиновая, на длинной изогнутой шее, она покачивалась, словно живая. Заметив её взгляд, мальчик улыбнулся и протянул Даниэле бутылочку воды. Жадно припав к ней, она услышала:

– Меня зовут Питер. – Белокурые волосы, вьющиеся у висков, делали его похожим на девчонку, но голубые, пронзительные глаза и расцарапанные коленки опровергали это предположение.

– Приятно познакомиться, Питер! Спасибо за воду. – Мама, щурясь на солнце, разглядывала мальчика. – Меня зовут Елена, а это моя дочь, – мама обняла её за плечи, прижав к себе, – Даниэла. – Распечатав упаковку, она протянула ей и Питеру по банке пепси-колы.

– А ты, наверное, пират? Капитан корабля? – Мама смотрела на Питера и улыбалась – на его чёрной футболке красовалось изображение пиратского корабля и черепа с костями. Питер одёрнул футболку и, сморщив обгоревший на солнце нос, ответил:

– Пока нет! Но обязательно стану капитаном.

– Конечно станешь! – Мама потрепала мальчика по волнистым волосам. – Хозяином рек и морей! Вот мою дочку ты уже спас от жажды, капитан! – Питер отчего-то смутился.

Когда они выезжали с парковки, Даниэла наблюдала за ним в зеркало заднего вида. Питер, затолкав голову динозавра в карман, резко оттолкнулся ногой от асфальта и, набирая скорость, скрылся из её поля зрения. Даниэла откинулась на спинку сиденья и поставила так и не открытую баночку пепси в дверцу машины. Пить ей уже совсем расхотелось.

Давно это было – сейчас ей почти четырнадцать лет, а Питеру пятнадцать, они уже взрослые. Звонят друг другу по телефону и ходят в гости. Питер живёт в трёх кварталах выше по улице. Если идти прямо вдоль дороги, пересечь железнодорожные пути возле продуктового магазинчика «Пенни», свернуть влево, то через четыре дома будет дом Питера.

Даниэла заправила выбившуюся прядь рыжих волос за ухо и набрала его номер. «Питер, я жду, поторопись. Да, да, там, где договаривались». На кассе она заказала витую булочку с изюмом, щедро политую белой глазурью, и большой стакан капучино. Заняла свободный столик у окна, морщась, стянула куртку. Боль в ладони становилась совершенно нестерпимой, и Даниэла подумывала показать ожог родителям. Минут через десять, ловко лавируя между людьми, явился Питер.

– Привет! Я с тренировки, ненадолго, извини. А что с лицом, с рукой? С войны, Даниэла? – Кинув спортивный рюкзак на диванчик, он уселся на стул, закинув ногу на ногу. Из-под чёрных джинсов торчали голые щиколотки. На мешковатый свитер крупной вязки ближе к левому плечу был приколот значок местного футбольного клуба – зелёный кружок с крупными чёрными цифрами «96». Даниэла, сделав последний глоток остывшего кофе, прокашлялась в салфетку.

– Да! Расскажу – не поверишь! На меня напало дерево! Фантазии берут верх над действительностью! Я вот думаю, не привиделось ли мне? – Она театрально продемонстрировала Питеру синяк на щеке. Синий на скуле, он красной отечностью спускался к шее. Ближе к правому виску виднелись две отчётливые царапины, наползающие одна на другую. Питер, взяв её за запястье, недоверчиво рассматривал намотанный на ладонь бинт.

– Не твоего ли одноклассника рук дело, этого здоровяка Михаэля? Признавайся!

Аккуратно высвободив обожжённую ладонь, Даниэла отрицательно мотнула головой:

– Нет. Это и вправду дерево... Э... Как бы тебе это рассказать... Знаешь древний дуб – Томас, на заднем дворе школы?

Питер кивнул, приготовившись внимательно её выслушать.

– Так вот, о нём ходят разные слухи. Нехорошие слухи. Я решила проверить. Ну, на предмет загадочности, – а он меня прогнал... В смысле, дерево меня прогнало. Представляешь? И оно говорило со мной! Говорило! Я знаю, это звучит странно, но ты должен мне поверить! И я очень испугалась... Очень! Вот, видишь? Доказательство! – Даниэла еще раз продемонстрировала Питеру синяк. – А сегодня Томас решил помириться, потому что я нашла веточку, застрявшую в колготках. Ну, такой маленький сучок, я его пожалела и воткнула в горшок с гортензией. Думаю, дело в этом. Потому что Томас сегодня утром нарисовал гортензию тоненькой веткой на запотевшем стекле в классе. Это ли не странно? Он что, читает мои мысли? Как он вообще узнал об этом? Как?!

Питер внимательно выслушал её. Хотя в его глазах читалось неподдельное беспокойство и участие, рассказанная в подробностях история явно не нравилась ему.

– Я – реалист, Даниэлка! Гоняю мяч, хожу в школу – всё как обычно. Но твои фантазии просто... иногда пугают. Даже меня. Особенно в свете твоих боевых ранений. Хорошо, хорошо, – отмахиваясь от её оправданий, продолжил он. – Решила всё проверить, ещё раз посетить Томаса, не так ли? Я, конечно, пойду с тобой, только не сегодня. Вымотался, и мама просила прийти пораньше. Созвонимся? Ну же, Даниэла, не дуйся! Я тебе обещаю! – Он поднялся, закинул на плечо рюкзак. – А сейчас мне пора.

Даниэла устало кивнула, скомкала бумажную салфетку и бросила её на поднос. Питер не поверил ни единому её словечку, решила она. Ни единому! Но в том, что он ей обязательно поможет, она не сомневалась.

* * *

Питер сдержал обещание – позвонил в среду вечером. Голос его звучал бодро, ей даже показалось, что он весел.

– Даниэлка, выходи! Жду внизу!

Она выглянула в кухонное окно. Питер сидел на лавочке, болтал ногами в прикрывающих голые колени гетрах и футбольных бутсах. Его легкая голубая ветровка была небрежно наброшена на плечи. Даниэла хорошо помнила свою первую встречу с Томасом, поэтому натянула джинсы и толстый свитер. Туго завязывая шнурки на кроссовках, подумала: «Теперь просто так меня не достать, Томас!»

По дороге они с Питером болтали о всяких пустяках. В основном рассказывал он – о своих друзьях и всяких шалостях. Показывал фотки с соревнований – на них он открыто улыбался в камеру, прижимая к себе мяч, – голубоглазый и белобрысый мальчишка. Даниэла одобрительно кивала, не желая показаться невежливой, хотя все её мысли были заняты только Томасом. Когда они подошли к школе, заметили сторожа – он вешал замок на ворота.

– Пустите нас ненадолго, я заколку под деревом потеряла! – Даниэла старалась говорить как можно убедительнее. Однако сторож, не слушая её, вытащил ключ из увесистого замка и спрятал в карман.

– Нет, дети, всё завтра, всё завтра! Утром приходите заколку искать, никуда она за ночь не денется. – Не обращая на них внимания, он, прихрамывая, зашагал по своим делам. Ребята дождались, когда сторож скрылся за углом здания, и переглянулись.

– Ничего, – сказал Питер и похлопал Даниэлу по плечу, – здесь есть лазейка в ограждении. Пойдём я тебе покажу? – Даниэла не раздумывая кивнула. Отогнутый железный прут они обнаружили довольно быстро – Питер вначале пропихнул Даниэлу, а следом пролез сам. Вскоре они шагали по совершенно пустой школьной территории.

Издали Томас выглядел обычным деревом, но Даниэла всё же взяла Питера за руку и, преодолев дрожь в ногах, зашла вместе с ним под крону. Девочка старалась справиться с волнением, но получалось это у неё плохо.

– Привет, Томас. Познакомься, это мой давний друг Питер. – Она наблюдала, как мальчик обошел дерево, погладил ладонью могучий ствол.

– Привет! Да тебя и четверым не обхватить! Ты настоящий здоровяк, Томас! Приятно познакомиться!

Здрав головы, они посмотрели ввысь, потом Питер спокойно пожал плечами и сел под кроной, облокотившись о ствол.

– Знаешь, Даниэла, удивительная вещь – я учусь в девятом классе, но ни разу не подходил близко к этому дереву. Представляешь? Никогда! Думаю: почему? – Питер подтянул к себе колени, поправил гетры. – Знаешь, у меня сейчас странное ощущение какой-то пустоты, и в то же время будто вокруг меня витают электрические разряды. Высоковольтное напряжение! Даже волосы шевелятся! Вот сейчас щёлкну пальцами – и всё загорится! – Питер хихикнул. – Кажется, вокруг меня горит огонь, невидимый глазу! И это все из-за твоих страшных рассказов, Даниэлка! Присаживайся рядом, тут мягко. – Он похлопал ладонью по траве, приглашая её сесть.

Даниэла ещё с минуту рассматривала дерево – в такую безветренную погоду под ним было тихо и ничего не происходило. Тогда она обратилась к Томасу, старательно подбирая слова:

– О чём ты хотел рассказать мне, Томас, – о своем мире?

Питер ободряюще улыбнулся ей и махнул рукой, чтобы продолжала.

– Томас, ответь мне, пожалуйста. Ты звал меня, и я пришла. – Она нагнулась и набрала пригоршню осыпавшихся листьев. Влажные, наполовину сгнившие, перемешанные с землей, на ощупь будто после дождя. Запоздало подумала: «Не стоило Питеру садиться, он испачкается». Даниэла отряхнула ладони от прилипших листьев и обернулась к Питеру. Он замер, обхватив руками голые колени, и, не мигая, смотрел в пустоту. Даниэла силилась понять, что с ним происходит, но мысль ускользала от неё. Тишина стала такой глубокой, такой оглушающе ненастоящей, что страх наполнил липкой слюной её рот. Она нервно сглотнула, наконец поняв, в чём дело. «Исчез цвет!» Даниэла вцепилась дрожащими пальцами в ещё совсем недавно голубую ветровку мальчика. В истерике она крикнула:

– Питер! Мне страшно, Питер! – Но мальчик не обернулся, продолжая безучастно смотреть в пустоту. И тут Даниэла услышала голос, тот самый, что так напугал её в прошлый раз:

– МОЙ МИР – ЧЁРНО-БЕЛЫЙ. НО ЧТО ЦВЕТ В МИРЕ ИЛЛЮЗИЙ? НИЧТО... ШИРМА. Я СТАРШЕ ВСЕХ ДЕРЕВЬЕВ ЭТОЙ ПАРАЛЛЕЛИ, ПОТОМУ ЧТО ВСЁ ЖИВОЕ В КОНЦЕ КОНЦОВ УМИРАЕТ. ДЕРЕВЬЯ ШЕПЧУТСЯ, СТОНУТ... НИТОЧКИ ВСЕХ ИСТОРИЙ СТЕКАЮТСЯ КО МНЕ. Я МУДР И НАИВЕН ОДНОВРЕМЕННО. Я НЕПОКОЛЕБИМ И ЕЖЕСЕКУНДНО ТЕРЗАЮСЬ СОМНЕНИЯМИ. СМЫСЛ ЖИЗНИ И ПОРОКА ЗАКЛЮЧЁН ВО МНЕ. Я СТАРЕЦ И МЛАДЕНЕЦ, НЕ ЦАРЬ, НО МУДРЕЦ.

По тёмному небу в свете луны медленно плыли белые облака. Даниэла шумно выдохнула и, пытаясь успокоиться, прижала ладони к животу. Потеряв всяческую волю к сопротивлению, она медленно сползла на землю и привалилась к плечу Питера.

– Что с Питером? Ответь мне!

– ПОКА НИЧЕГО. ЗАЧЕМ ТЫ ПРИХОДИЛА?!

– Я приходила из любопытства. А теперь ты снишься мне! Снишься! – Даниэла перевела дыхание. – Томас, ответь: я вижу твои воспоминания или мысли?

– ТЫ ПРОНИКАЕШЬ В МОЙ МИР. КАК? Я НЕ ЗНАЮ. МЕЖДУ НАМИ ЕСТЬ НЕЧТО ОБЩЕЕ, НО ЧТО? Я ПОКА ДУМАЮ ОБ ЭТОМ.

– Томас, так все растения на земле не видят цвет? Просто мне казалось, я всё же вижу цвет, но неявно, через глубину тона.

– ТЫ – ЧЕЛОВЕК, У ТЕБЯ ЦВЕТ ВНУТРИ. ЭТО КАК ОТКЛИК. ЕСЛИ ЕСТЬ ЦВЕТ, ТЫ ЕГО УЗНАЕШЬ ВЕЗДЕ. МИР РАСТЕНИЙ ЯВЛЯЕТСЯ ЭТИМ ЦВЕТОМ. ВНУТРИ НАС ЦВЕТА НЕТ.

– Так вы с другими растениями постоянно общаетесь?

– ДА, МЫ ГОВОРИМ... ПОДОЛГУ. ЧЕРЕЗ РАССТОЯНИЯ – ЖДЁМ ПОПУТНОГО ВЕТРА, ПЕРЕДАЕМ ПОСЛАНИЯ.

– Томас, мне показалось, этот рисунок на стекле... Веточка, которую я нашла... мне нужно вернуть её тебе?

– А ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ С ОТРЕЗАННЫМИ НОГТЯМИ, ДАНИЭЛА? МЕНЯ ЭТО ДАВНО НЕ БЕСПОКОИТ. А СЕЙЧАС УХОДИ – ИНАЧЕ ТВОЙ ДРУГ СТАНЕТ ТАКОЙ ВЕТОЧКОЙ НАВСЕГДА.

Даниэла быстро обернулась к Питеру, встряхнула его за плечи – голова мальчика безвольно запрокинулась, рот приоткрылся.

– Питер! Очнись, Питер!

В оглушительной тишине собственный дрожащий голос напугал её еще больше. Выдохнув, она подхватила Питера под мышки и поволокла, упираясь ногами в мягкий грунт. Всю последнюю неделю шли дожди, и его кроссовки, приминая листья, оставляли в земле глубокие колеи. С небольшими передышками Даниэла наконец выволокла его из-под дерева. Запыхавшись, облокотилась спиной о сетку ограждения игровой площадки, уложила белокурую голову к себе на колени. Цвет возвращался медленно. Сначала Даниэла заметила синие полосы на гетрах Питера, потом – красные. Мальчик, не дыша и не мигая, смотрел вдаль, радужка его

глаз постепенно окрашивалась голубой лазурью. Лицо приобрело едва заметный румянец, он вздрогнул. С шумом втянул в себя холодный воздух, с шумом выдохнул и громко закашлялся. Даниэла повернула его голову набок, придерживая ладонями виски. Под пальцами его кожа показалась ей разгорячённой и влажной. Качнувшись, Питер медленно сел, подтянул сползшие, выпачканные грязью гетры. Потом с удивлением покосился на Даниэлу.

– Я уснул, да? Надо же, сам не заметил. Разве я не у дерева сидел? – Даниэла промолчала. Питер завернул рукав ветровки, взглянул на часы – за треснувшим циферблатом стрелки замерли на 19.44. Питер тряхнул запястьем.

– Неужели я разбил часы? – Он тряс их, то и дело прикладывая к уху. – Это же спортивная модель! Алмазное стекло! Даниэла, как это могло произойти? – Питер, похлопав себя по карманам, достал телефон. Экран засветился заставкой с его фотографией. – Уже полдевятого! Как быстро время пролетело. Мне нужно позвонить домой, мама волнуется! – Он почесал в затылке, озадаченно выдохнул и обернулся к ней.

– Даниэла, так разговор с Томасом удался, мы не зря пришли? – Питер взял её за плечо, развернул лицом к себе. – Почему ты молчишь? Что здесь произошло? Даниэла?

Девочка подала ему руку, он ухватился за неё и с трудом поднялся. Помогая ему отряхнуть куртку от налипших листьев и грязи, она сказала:

– Спасибо, что прогулялся со мной. Одна я бы не решилась прийти сюда ещё раз. И да – Томас со мной поговорил, объяснил кое-что. Под деревом аномальная зона, и это очень опасно для людей. – Её объяснение почему-то развеселило Питера.

– Даниэлка, теперь я точно убеждён: ты – фантазёрка, каких этот мир ещё не видывал! Но не смей таиться, я хочу слушать всё новые и новые истории! – Пытаясь приободриться, он хлопнул её по плечу. Даниэла, прищурившись, посмотрела на Питера и промолчала.

Да, она, Даниэла, всё время в мечтах. Родители часто делают ей замечания: «Смотри под ноги, сейчас упадёшь!» Или: «Опять размечталась? Ешь завтрак быстрее, опаздываем! Нельзя всю жизнь витать в облаках! Даниэла, ты опять забыла ключи! Сколько можно, будь внимательнее! Шапку! Надень шапку!» И хотелось бы девочке быть как все, но получалось не очень. Фантазии захватывали Даниэлу. Она не просто мечтала – тысячи разных миров, придуманных ею, оживали. Даже засыпая, девочка мысленно продолжала описывать всё новые и новые приключения. Бывало, некоторые истории захватывали её надолго, сюжет разворачивался перед ней изо дня в день, герои спорили, совершали подвиги, ошибались. Даниэла частенько и сама не знала, чем именно закончится та или иная придуманная ею история. Но Томас... это было нечто иное. Она не ПРИДУМАЛА Томаса, это уж точно! Нет! Тем не менее спорить с Питером по этому поводу не имело никакого смысла. Весь путь от школы до её дома они проделали молча.

Глава вторая

Параллель Лимб

Нынешняя Верховная лимба, Брумхильда, нашла Даниэлу совершенно случайно. Гуляя по торговому центру маленького немецкого городка, она услышала таинственный голос, принадлежащий человеку. А поскольку это было в принципе невозможно, Брумхильда вздрогнула и обернулась. В эту минуту она держала в руках замысловатую чашку китайского костяного фарфора – тончайшей работы, с изображением летящего ввысь золотого дракона.

– Вам завернуть? – Продавец подобострастно заглядывала ей в глаза.

– Да. Заверните, пожалуйста, как можно аккуратнее, не хотелось бы случайно разбить. – Передав чашку продавцу, Брумхильда медленно и очень внимательно огляделась, но никого из представителей параллельных миров поблизости не наблюдалось. Люди безостановочным потоком сновали туда-сюда, занятые покупками и разговорами друг с другом. Хотя... В магазине RENO крутился варн – Брумхильда заметила его через стекло витрины. Гнусаво споря о чём-то с продавцом обуви, он оглаживал тщательно подстриженную рыжую бороду. Ладно сидящий на нём пиджак говорил о хорошем вкусе и наличии денег. Продавец, склонившись перед ним, пытался затянуть шнурки на дорогих кожаных туфлях. У всех жителей параллели Варн широкие ступни, человеческую обувь на такие подобрать возможно, но с трудом. Вот и сейчас варн был явно недоволен нерасторопностью продавца. Почувствовав на себе взгляд Брумхильды, он обернулся и сухо кивнул, приветствуя, хотя они не были лично знакомы.

Брумхильда ещё раз внимательно огляделась. Человеческий голос неразборчиво бормотал что-то несанкционированное, преодолев шесть степеней защиты и шифрования. Первая мысль – «Это диверсия» – не оставляла Брумхильду. Приняв пакет с чашкой из рук продавца, она последовала за голосовой нитью к придорожному кафе в трёх кварталах от торгового центра. Стараясь случайно не оборвать нить, решила пойти пешком. Когда голос зазвучал в её голове максимально чётко, Брумхильда остановилась. На другой стороне дороги она увидела за стеклом кафе маленькую девочку – голос принадлежал ей.

Рыжеволосая малышка сидела на высоком стульчике и болтала ногами, обутыми в красные лакированные сандалии. Она скучающе рассматривала улицу через запylённое стекло. Печенье в её руке было совершенно замусолено, она грызла его, запивая молоком из бутылочки. Её родители, занятые общением друг с другом, совершенно не обращали на ребёнка внимания – Брумхильде показалось, что они ссорились.

– Елена, ты не права! Мы не можем забрать Даниэлу из сада! Ей необходимо общение с другими детьми! – Мужчина перевёл взгляд с жены на дочку.

– Нет, она другая, понимаешь, другая! И я не желаю показывать нашу дочь психиатру лишь потому, что она бывает слишком задумчивой и тихой! Не желаю! Я заберу её из сада – и точка! Уволюсь и буду сидеть с ней дома!

Мужчина после минутного раздумья примирительно кивнул и сжал ладони жены в своих.

– Мне просто жаль, что ты лишишься карьеры врача. Ты только начинаешь, и тебе сейчас как никогда нужна практика. Может, мы наймём для Даниэлы няню?

Женщина вырвала ладони из рук мужа.

– Нет! Своей дочерью я буду заниматься сама! И ты не отговоришь меня Патрик, не отговоришь! – Елена, такая же рыжеволосая, как и её малышка, видимо, не совладав со своими эмоциями, прижала ладони к лицу и тихо заплакала.

Брумхильда, нарочито громко хлопнув стеклянной дверью кафе, зашла внутрь. Она не переносила публичные ссоры с выяснениями отношений, но ей нужно было сюда по другому поводу. Брумхильда заняла пустующий столик и заказала себе чашку чая. Она полностью настроилась на мысли ребёнка и, поражённо застыв, слушала. Это было исключительно, волшебно, необыкновенно талантливо. Девчушка рассказывала историю запредельного мира, полную драматизма, и при этом в таких подробностях! Девочка попросту не могла этого знать, и придумать не могла! У ребёнка не могло быть столь богатого жизненного опыта и знаний. Брумхильда искала объяснение происходящему, но не находила. Может, мозг девочки, подключённый к невидимому источнику, просто транслировал чьи-то воспоминания и мысли? Поскольку Брумхильда столкнулась с таким впервые, она решила прояснить ситуацию, отложив все другие дела на потом.

Вскоре семейная пара прекратила спорить, они рассчитались и покинули кафе. Мужчина толкал коляску с ребёнком, женщина, взяв его под руку, мирно шла рядом. Они миновали набережную, спустились к проспекту, перешли дорогу. Заинтригованная Брумхильда проводила семейную пару до самого дома, шагая позади и оставаясь никем не замеченной. Малышка Даниэла вскоре уснула в коляске, и история оборвалась.

Брумхильда провела около девочки больше шести человеческих суток – за это время она окончательно убедилась в исключительности ребенка. Девочка была гением.

С этим вопросом быстро разобрались Высшие инстанции. Оказалось, душа Даниэлы, рождённая среди людей, – следствие ошибки. Даниэла – из мира Дарк, седьмой параллели – между вайсмирцами и народом Варн, и должна была достаться милейшей семейной паре, весьма обеспеченной и влиятельной. Девочку они заказали заранее, со всем возможным набором опций. Отобрали из древнейшего рода, к которому принадлежала её мать, оплатили в Институте душ. Но вместо этого их младенец умер при родах, так и не вдохнув, не получив души при рождении. Ошибки случаются везде и всегда – это неизбежно. В результате хаотичного движения энергий между мирами девочка впервые закричала в четвертой параллели – мире людей, дав жизнь недееспособному телу с аномалиями развития мозга. Совершенная душа вскоре сама вылечила тело, однако сбой всё же произошёл. Семейная пара параллели Дарк заказала максимально возможную функцию – талантливого ребенка, но в результате сбоя программ девочка стала гением, причём во всех областях. Душа Даниэлы выбрала литературу.

Общим решением Совета тринадцати параллелей к Даниэле были приставлены писари. Розалинда и Мирабель, исполнительные, умные и подтвердившие свой профессионализм тринадцатью высшими образованиями, имели допуск к этой девочке в постоянном режиме невидимок. Запрет на видимость был зафиксирован официально – Розалинда и Мирабель подписали немало всяческих бумаг. Лимбы слыли настоящими бюрократами – на каждое действие или бездействие в девятой параллели имелся соответствующий документ.

Писари не пропускали ни одну мысль – всё записывалось в специальные толстые тетради, которые нумеровались, чтобы избежать ошибок и путаницы. Бывало, Даниэла вечерами долго не могла уснуть – все придумывала и придумывала. Она не знала, что это лимбы не дают ей спать, шепчут на ухо: «А дальше что? Расскажи, расскажи!» И Даниэла рассказывала.

Весть о новом авторе разлетелась быстро, популярность её росла, особенно после выхода двух первых книг – о жизни существ высшего ранга; некоторые моменты и названия совпадали настолько точно, что объяснений этому не было ни в одной параллели на планете Земля. Книги Даниэлы проливали свет на спорные вопросы в разных областях, а некоторые её произведения воспринимались как художественная литература. В итоге после всех споров и согласований на такие произведения установили минимальный запрет, приравняв к сказкам и предоставив всем параллелям доступ к ним. Но каждая новая книга вновь вызывала ожесточённые споры, перед тем как попасть в библиотеку.

Решением Совета доступ к Даниэле был предоставлен всем параллелям без исключения. Единственным требованием было оставаться инкогнито при любом контакте с ней и не набиваться в помещение больше пяти представителей одновременно. Так как девочка была чрезвычайно мила, появилась традиция целовать Даниэлу в щёку, здороваясь с ней, а покидая, целовать на прощание. Так как лимб было очень много, Даниэлу, бывало, целовали до тысячи раз в день. С её щёк никогда не сходил розовый румянец, и в четвёртой параллели этому не было никакого разумного объяснения. Родители даже показывали Даниэлу врачу, и окончательный диагноз «здоровая» всех обрадовал и успокоил. Знаменитая и любимая в тринадцати параллельных мирах Даниэла была совершенно обычной девочкой в мире людей.

Когда очередная книга была закончена, желающих приглашали на её день рождения, где читали вслух яркие эпизоды, высказывая только восторженные мнения и отзывы. Новорожденную книгу нужно было хвалить, хвалить и хвалить! Каждое худое слово приравнивалось к оскорблению, нарушитель мог тут же лишиться жизни. Актёры, пожелавшие навсегда поселиться на её страницах, в точности демонстрировали написанное. Это был ни на что не похожий живой театр – сыграв свои эпизоды, они постепенно перемещались в книгу, страница за страницей. Смелое решение – обессмертить себя навеки! Прощаясь с ними, родственники плакали, но у них оставалась возможность явиться в библиотеку и общаться сколь угодно долго. Книгу помещали в общую библиотеку земных параллельных миров, где каждый мог её прочесть. Поклонники с нетерпением ждали новых историй Даниэлы, сплошь состоящих из волшебства, магии и мечты.

Даниэле исполнилось четырнадцать человеческих лет, и её истории становились всё интереснее и интереснее. Лимбы переживали, что девочка захочет писать книги для людей – ведь слова, написанные на бумаге, навсегда стирают мысли, написанные в голове. Как только Даниэла напишет на бумаге первую строчку новой книги, мир Лимб больше не услышит не единого её слова.

Совет принял решение следить за мыслями каждого человека, общающегося с Даниэлой, и, как только кому-то придёт идея посоветовать ей стать писателем, сразу прервать эту мысль – даже если она придёт в голову самой Даниэле! Для этой цели было решено приставить к каждому общающемуся с Даниэлой лимбу-надсмотрщика. К выполнению плана приступили немедленно.

* * *

Шло обычное занятие в студии – урок акварели. Хелена шепотом рассказывала о покупке породистого щенка спаниеля. Как он необыкновенно хорош, какой у него покладистый нрав, как он залиристо лает, радуясь Хелене. Даниэла слушала вполуха, старательно рисуя. Ей давно хотелось научиться передавать цвет голубого стекла на картине как можно реалистичнее. Но ваза, как назло, получалась кривая, веточка розы лезла вперед, никак не желая уйти в глубину изображения. Даниэла нервничала, пытаясь хоть как-нибудь закончить акварель. Лимба-надсмотрщик стояла сразу за этюдником Хелены – отсюда ей удобно было следить за мыслями Даниэлы.

Писарь Даниэлы – Мирабель – прилегла на подоконнике, спрятавшись за шторой. Она радовалась возможности отдохнуть и поспать хоть минутку, а тут выдался целый урок, наполненный блаженством! Даниэла в последнее время так бурно фантазировала, что у писаря болела рука. Голова лимбы склонилась на грудь; стараясь не помять платье, она обняла колени. До конца занятия она практически уснула и тихонечко сопела, издавая звук, похожий на едва слышную трель. Когда лимба засыпает, она обесцвечивается, становясь прозрачной. Теряя цвет, в глубоком сне лимбы невидимы даже для представителей их мира.

– Даниэла! – позвала Хелена. Наклонившись близко к её уху, шепнула: – Я не могу выбрать имя собачке. Как тебе Питти? – Она тихонечко засмеялась.

Даниэла скривилась, сморщив нос:

– Питти! Фу... Нет уж! Это имя подойдёт разве что цыплёнку! Хелена, я поищу сегодня в Интернете красивое собачье имя. О! Я придумала – может, Кико?

– Ну ты фантазерка! Такое смешное имя, это же как магазин косметики! Хотя спасибо, Дени. Надо же, Кико! Кико! В этом имени есть шарм. Чувствуется вкус, что-то французское – Кико! Звучит как шоколадное печенье. Кико! И подходит для моей маленькой собачки! Спасибо! Спасибо! Спасибо! – И только собралась сказать: «Пора тебе, Даниэла, книги начинать писать», как в эту секунду лимба выплеснула грязную воду из стаканчика для промывки кистей прямо на акварель Хелене.

– Ой! – вскрикнула девочка, отскочив. Брызги полетели в разные стороны, заляпав грязными каплями голубую блузку. Принявшись оттирать пятна, Хелена оправдывалась:

– Что это такое? Это точно не я! Говорю вам – не я!

Подошедший учитель с сожалением осмотрел испорченную работу. Он сложил руки на груди и, склонив голову, рассматривал рисунок.

– Ваша болтовня начинает портить вам жизнь, Хелена! Роза была замечательной, дышала. Я бы даже рассмотрел возможность оформить её в раму. Теперь же работа безнадежно испорчена. Ваша мама, Хелена, исправно оплачивает уроки, а вы всё время болтаете без умолку, мешая остальным! Почему?

Хелена сконфуженно молчала и совсем забыла, что хотела сказать Даниэле о книгах. От гомона и возни проснулась писарь и выплянула из-за шторы: «Ты молодец, отличная работа!» Лимба-надсмотрщик развела руками, внимательно прислушиваясь к мыслям Хелены. Они сплошь состояли из щенячьих имен, красок, пятен на блузке и желания скорейшего окончания урока. С чувством выполненного долга лимба снова заняла место за подрамником Хелены.

* * *

Прошла неделя. В один из дней папа Даниэлы за обедом заметил мечтательный взгляд дочери. Окликнул её:

– Даниэла! Ты котлету ешь или продолжаешь мечтать? В конце концов, я куплю тебе тетрадь для за...

Закончить предложение он не успел – подавился кусочком хлеба, закашлялся. Даниэла разволновалась, похлопала его по спине, принесла тёплой воды. А придя в себя, папа и вовсе забыл, что хотел сказать.

Ещё через неделю мама как-то готовила гороховый суп и завела разговор с дочкой о книгах, об известных писателях, о прочитанных в последнее время произведениях.

– Даниэла, кого из современных авторов вы читаете сейчас в школе?

Как разволновались лимбы! Они тут же включили конфорку на полную мощность – суп моментально закипел и убежал на плиту. Зашипело всё, закоптило! Мама с Даниэлой сразу забыли, о чём беседовали, и бросились убирать. Распахнули настежь окна, чтобы проветрить квартиру от гари. Но больше всех лимб волновал мальчик – друг Даниэлы.

* * *

Питер давно хотел посоветовать подруге стать писателем – он с удовольствием слушал её бесподобные, ни на что не похожие истории, которые она рассказывала только ему. Он относился к этому как к безобидному увлечению Даниэлы, считая её хорошим рассказчиком. Только вот история с Томасом смущала его – синяки и царапины на её лице не давали покоя,

тревожили. После их недавнего похода на школьный двор его спортивные часы оказались вдребезги разбиты. Даже ремонту не подлежали! Часовой мастер заподозрил, что Питер уронил их с моста и просто не признаётся. Отец задал ему хорошую трёпку, крича: «Как? Как можно разбить часы с алмазным стеклом и не заметить?»

Питер и сам сокрушался по этому поводу – он прекрасно помнил, как уселся под деревом, облокотившись о шершавую кору. Было жутко неудобно, он дрожал от холода, ругая себя, что не переоделся после тренировки. Помнил, как незаметно от Даниэлы натягивал гетры на голые коленки, пытаясь согреться, – не хватало ещё девчачьего сочувствия! А очнулся, лёжа на земле в десяти метрах от проклятого дерева, с разбитым стеклом на часах. Кстати, после этого происшествия у него всю неделю несносно болела голова. Даже занятия в школе Питер не посещал, не говоря о футбольных тренировках, – валялся дома. Томас... У ребятни он разузнал о нём любопытные подробности. Оказывается, школьные дворники не выметают листья под деревом – боятся! Понятно, почему ему было так мягко сидеть под ним, на многолетней перегнившей листве. Оказывается, лес вырубали частями и когда-то на месте школы был городской парк. Лишь сорок лет назад парк вырубил и построили здесь школу, а оставшуюся территорию засадили новыми деревьями. Из старых деревьев выжил только Томас. При загадочных обстоятельствах строительные фирмы, занимавшиеся постройкой школы, разорались и объект переходил от одной компании к другой. Здание строили семь организаций в течении полутора лет.

Питер давно дружил с Даниэлой, но некоторым вещам просто не находил никакого объяснения. Вот зачем Даниэле сдальось это дерево? Какая чушь! Питер встряхнул головой, прогоняя скверные мысли. Он не общается с другими девчонками – они все как одна зазнайки, а ещё воображали. У него и так много друзей-мальчишек – и в школе, и в клубе. Но самый настоящий его друг – всё же Даниэла. Об этом все знают. И что? Они вдвоем катаются на велосипедах в парке, она часто приходит к нему тренировки. Некоторые мальчишки даже завидуют этой дружбе. Он замечает, какие взгляды они бросают на Даниэлку. И что? Она красивая, с этим никто не спорит. И в обиду он её никогда не даст, это точно. И ещё, этот дурачок Михаэль – жуткий задира. Надо бы серьёзно поговорить с ним, встряхнуть как следует этого здоровяка.

* * *

Параллель Лимб в срочном порядке созвала открытый Совет. Состоялся он на Лысой горе, на пересечении всех миров. Попасть на гору можно было из любой реальности, все блокировки и степени защиты с 1 по 117 были сняты. «Лысой» гору назвали из-за отсутствия растительности, так как состояла она из чёрного металла – латия. Гора имела взнезменное происхождение и была создана существами высшего порядка, так называемыми «Высшими инстанциями», для удобства общих собраний. Огромная, с остроконечной вершиной, она была словно подвешена под облаками; её плиты, находя одна на другую, образовывали скамейки, уходящие спиралью в центр, к возвышению, и заканчивались узкой площадкой метр на метр. Сегодня на этот постамент встала Брумхильда – хоть Совет и был объявлен открытым, но организовали его лимбы.

Все места были заняты, многие стояли, плотно прижавшись к друг другу. Главной темой заседания Совета был Питер – мальчик из четвёртой параллели людей. Брумхильда ударила по металлической пластине увесистой дубиной, поднесённой ей секретарем. Звук гонга оповестил о начале пяти минут слова, ведь всем известно – в споре рождается истина. Несусветный гвалт и гомон заполнили площадь – сущности перекрикивали друг друга.

– Как нам избавиться от него? Просто убить мальчика? Пусть его собьёт машина! Несчастный случай, да мало ли что! Он может подавиться котлетой! А лучше – на тренировке. Знаете, так бывает – сильный удар мяча по голове? Чтобы дети больше не общались. Задумайте!

шить! – Представители параллелей пихали друг друга, стараясь перекричать, донести, казалось, самую главную мысль, и жались ближе к постаменту. Брумхильда держала в руках секундомер, следя за временем.

– Я, я сделаю это! Нет! Нет! Перетащить Питера в мир Домхан, тогда в мире людей он просто исчезнет. Пусть уснет! Кома – вот выход! Даниэла не сильно расстроится, ведь этот поганец всё же будет жив! Да! Нет! Да! Это не так! Зачем? Убить Питера, и всё!

Задачей Брумхильды было беспристрастно выслушать всех и принять решение. Её мнение было не окончательным, но важным. Двенадцать официальных представителей параллели Лимб тоже имели свое мнение. Окончательное решение принималось голосованием. Неожиданно всех перебила ничем не примечательная старушка. Оттолкнув от себя здоровяка слева и треснув палкой соседа справа, она громогласно возмутилась:

– Это что же делается на белом свете? У вас что, ума нет? Убить ребёнка! А как же Даниэла? Вы подумали о ней? Вдруг она расстроится и перестанет так хорошо придумывать? Питер – её единственный друг! А если девочка не переживёт разлуки и на её сердце останется рана? Что, если она погрузится в печаль? Мы не можем этого допустить! Вдруг это скажется на книгах, отразится в сюжетах? Она всё-таки наш единственный автор! Вдруг из-за этого из историй пропадёт первозданная прелесть и чистота? Она станет придумывать мрачные, страшные романы. Да, пусть гениальные, – и что? Мы будем их читать – и впадать в меланхолию вместе с автором. В мире и так много печали, зачем ещё новые книги об этом? Мы любим произведения Даниэлы за бесконечную доброту и свет, за торжество справедливости, а сами желаем уничтожить всё это? Убить Питера – не выход. Думаю, лучшим решением будет отправить его тренироваться в другой футбольный клуб! Пусть он переедет в другой город! Послушайте же, будьте благоразумны! – сказав всё это, старушка села.

Спорили с жаром, выкрикивая ругательства. Мнения разделились.

– Нельзя оставлять Питера, они будут общаться по телефону, он всё равно ей рано или поздно скажет, что ей надо стать писателем!

К концу третьей минуты начали склоняться к идее рассорить детей, как к более гуманной.

– Пусть они вообще не дружат! Зачем вообще у Даниэлы в друзьях этот никчемный мальчишка?! Говорят, он футболист! Неужели? Какая глупость! Да, да, представьте, он играет в мяч! Рассорить их – и всё!

И тут случилось непредвиденное. Одна из сущностей – из седьмой параллели Дарк, полупрозрачная, словно дымок от догорающего костра, едва-едва видимая, – бросилась на сидящую рядом лимбу, с невиданной силой вцепилась в её чёрные волосы и завизжала:

– Вы одурели?! Они могут помириться в любой момент! Кто будет следить за этим? Чтобы вам всем тут пусто было! Девчонка из нашего рода, сами знаете, из Дарков! А если среди людишек растёт, так у нас и прав на неё нет, так выходит? А душу то, душу, из нашего банка взяли! Что ж теперь, из-за вонючего мальчишки рисковать будем и Даниэлой, и её книгами!? Надо убить этого мальчишку!

Многие бросились разнимать их, но никак не могли отцепить полупрозрачные руки одной от чёрных волос другой. Возясь, одна лимба локтем попала другой в глаз. И началась чехарда – кубарем покатилося несчётное количество тел. Тут наконец прозвучал гонг – пять минут свободного слова истекли. Но, нарушая все правила и запреты, никто и не собирался умолкать.

Пытаясь перекричать толпу, слово взяла Верховная лимба – Брумхильда. Величественная и неприступная, как эта гора из латия, она подняла правую руку вверх, указательным пальцем тыча в небеса. Её седые, собранные в тоненький хвост волосы развевал ветер. Глаза, окружённые сеточкой морщин, смотрели остро и многозначительно. Алый плащ, подбитый мехом золотого леопарда, пойманного в двенадцатой параллели, окутывал Брумхильду с головы до ног.

– Нужно рассказать Даниэле об устройстве нашего мира. Она получит незабываемые впечатления и станет писать ещё лучше! Она умная девочка, мы сможем ей всё объяснить! И я не предлагаю открывать перед ней все секреты, нет! Я предлагаю познакомить её только с параллелью Лимб. – Брумхильда медленно опустила руку. Присутствующие с ней в большинстве своём не согласились.

– Нет! Нет! Нет! Даниэла перестанет фантазировать, она станет писать о нас! А это неинтересно. Мы хотим новых, свежих историй! Не нужно так рисковать. Рассказать всегда успеем! Нужно тянуть время, чуть-чуть подождать! Нужно разлучить Питера и Даниэлу!

Мнения снова разделились. Спор шёл целую неделю, а для параллелей это целая вечность или миг, как знать? Время в разных мирах течёт по-разному. Наконец решение сделать так, чтобы Питера пригласили тренироваться в другой город, и таким образом избавиться от мальчика, было принято. Следить за их телефонными переговорами, а через какое-то время стереть память Питера, чтобы он забыл Даниэлу. Так и поступили. Только один фактор лимбы не учли – это случайность или судьба. Произошло непредвиденное.

* * *

Это случилось в самый обычный воскресный день. Даниэла придумывала историю, одновременно поглощая спагетти с сыром. Сыр тянулся, провисая длинными белыми нитями, она медленно накручивала его на вилку и отправляла в рот. Писарь – это была Розалинда – торопливо записывала. Лимба-надсмотрщик, примостившись на подоконнике, внимательно следила за мамиными мыслями и караулила телефон. Мог позвонить Питер – этого рокового звонка они ждали вторую неделю. И тут мама подумала о молоке. Она обернулась к Даниэле и, поволившись в кошельке, протянула ей пять евро и пакет.

– Может, блины на ужин? А, Даниэла? Сидишь вся отрешённая, молчунья моя! Сходи, дочка, прогуляйся в «Пенни», проветришься! И переходи дорогу аккуратнее, не мечтай. Хорошо? Не споткнись! Возьми телефон, Даниэла! – На самом деле мама зря волновалась за Даниэлу – лимбы внимательно следили за ней и ничего плохого приключиться не могло. Оберегали они её – потому что любили.

Даниэла, оставив пустую тарелку, быстро обулась и, перепрыгивая через ступеньки, выбежала во двор; следом за ней вылетела лимба-писарь. Даниэла и Розалинда так увлеклись историей, что не замечали ничего вокруг. Розалинда бежала за Даниэлой, еле успевая записывать её мысли.

Маайя

Маайя плакала горько, навзрыд, но никто не собирался её утешать. Белые с синими пряди рассыпавшихся волос закрывали её аристократическое лицо. Казалось, она совершенно не замечала окружившую её плотным кольцом волнующуюся толпу.

– Мерзость! Ты редкостная, вонючая дрянь! – наклонившись к её нежнейшему уху с голубыми прожилками, шепнула дама в красном. Сделав это, она испуганно обернулась на двери зала и смешалась с присутствующими. Маайя рыдала, и слёзы капали в её раскрытые ладони.

– Ты хуже пыли под нашими ногами, – бормотал мужчина, внимательно следя за слезой, катящейся по её щеке. Как только очередная капля касалась нежной кожи рук, раздавался звук, похожий на звон. Каждая слеза превращалась в монету из ценнейшего металла латия номиналом в пять межгалактических станин. Маайя плакала, а придворные громко считали её слезы: девяносто пять, девяносто шесть, девяносто семь... Они плотным кольцом окружили девочку, сидящую на резном деревянном стуле. Руки, не выдерживая тяжести монет, позволяли им ссы-

паться на платье, с шёлка они скользили и падали, звонко стучаясь о паркет. Наиболее проворные ловко подхватывали их с пола, прятали в карманы, просовывали в лифы платьев. Беспардонно забывшись, они поднимали пышные подола, запихивая монеты в чулки. Чёрные, словно дёготь, и непомерно тяжёлые, монеты заставляли придворных горбиться под их весом.

– С пола – это не воровство, это мы нашли! Нашли, – бормотали они. Копошились, как стая зверей, у ног Маайи, толкая друг друга, не смея прикоснуться к ней, поцелованной богами. Вдруг хлопнули двери с северной стороны.

– Всем молчать! Прекратите немедленно!

В зал ворвался король. Смешно подскакивая и скользя туфлями по натёртому паркету, он бросился к дочери – распахивал ползающие тела, отгаскивал их за волосы, выкрикивая ругательства. Король был невысокого роста, плотного телосложения и преклонного возраста – всё это делало его слегка неуклюжим и смешным. Однако пронзительный взгляд, тонкие бескровные губы, обнажающие в оскале пару жёлтых клыков, и злобный нрав отбивали у придворных всякую охоту смеяться. Они пропускали его, виновато склоняя головы и отворачиваясь. Несколько дам, подхватив подола платьев, поспешно покинули зал, сжимая в руках оброчные девичьи монеты.

– Моя дорогая!

Король подхватил дочь со стула и с силой прижал к себе, как тряпичную куклу. Руки девочки непроизвольно разжались, голова запрокинулась; монеты зазвенели, раскатываясь в разные стороны. Плач прекратился, но и жизнь, казалось, покинула хрупкое тело – бледное лицо выглядело бескровным, тонкие губы безвольно разжались. Вырвавшийся из них едва слышный стон заставил короля в гневе оглядеть толпу, ползающую и собирающую монеты у их ног.

– Прекратите! Немедленно убирайтесь! Охрана! Выдворить всех! Врача! Позвать врача!

Король поднял дочь, пиная носком туфли податливые ползающие тела и, шатаясь, донес её до дивана. Вбежавшая служанка ловко положила влажное полотенце на разгорячённый лоб девочки. Через секунду появившийся из пространства доктор уверенно взял Маайю за запястье. Он нахмурился:

– Пульс замедленный.

Он торопливо достал прозрачную склянку, обмакнул в неё тряпицу и поднёс к носу принцессы. Маайя задышала ровнее, проваливаясь в успокоительный сон. Последние влажные капли слёз скатывались по лицу и медленно чернели, превращаясь в латий. Король безжалостно смахнул твердеющий металл со щёк дочери. Коснувшись паркета, они отвратительно звякнули. Подумать только, даже эти покорёженные чёрные железки имели умопомрачительную ценность! Служанка незаметно прикрыла подолом платья один из кусочков неполучившейся монеты. Несмотря на смертельный приговор, она ловко наклонилась, будто поднимая салфетку, брошенную доктором, схватила осколок и крепко сжала в кулаке. Острый край впился в её ладонь, разрывая плоть, – на паркет капнула кровь.

Король обернулся. Каждая капля крови служанки, звонко падая на паркет, разлеталась в разные стороны тысячами ярких капелек. Король нахмурил лоб, брови его поползли вверх. Он беспомощно открывал и закрывал рот, задохнувшись в праведном гневе, наконец захрипел и с трудом выдавил из себя:

– Повесить!

Служанку тут же подхватили десятки рук и поволокли к выходу. Подавив гнев, король поднёс ледяную руку дочери к губам:

– Постарайся все забыть, дорогая, а эти варвары, эти отребья – они поплатятся!

Он поднял глаза на доктора:

– Мы сможем ещё раз стереть ей воспоминания?

Доктор неспешно захлопнул саквояж и печально кивнул. Придерживая короля за локоть, помог ему присесть:

– Вам самому нужно успокоиться и отдохнуть. А принцесса пусть поспит два часа – я приготовлю стерильный бокс и препараты.

* * *

Даниэла, увлеченно фантазирующая, и восторженный писарь, еле успевающий записывать, врезались бы в стеклянные двери супермаркета, если бы те не разъехались перед ними.

Даниэла наклонилась и, взяв с нижней полки пакет молока, резко выпрямилась, задев полупустую чью-то тележку с батоном и куском сыра. Тележка от толчка поехала, потянув за собой старушку с трясущимися морщинистыми щеками. Старушка, качнувшись, охнула и едва не упала.

– Да что с тобой такое, девочка! Смотри под ноги! Таким, как ты, мечтателям только книги писать!

В ту же секунду мир Лимб замер. А Даниэла будто очнулась...

«Конечно, – подумала она, – я обязательно напишу книгу! Как мне раньше такое в голову не приходило? Нужно купить толстую тетрадь и записывать в неё все восхитительные выдуманные истории!» Воодушевлённая Даниэла подошла к полкам со всякой ерундой, рассматривая блокноты. Яркие обложки и смешные надписи, на пружинках и на скрепках... Даниэла вытянула из кучи чёрный блокнотик с изображением белого котёнка на обложке и прижала его к себе. Думала девочка теперь только о литературе, о том, что ей действительно нужно попробовать писать. И возможно, у неё даже получится! Даниэла мечтательно вздохнула. Старушка, отвернувшись, внимательно пересчитывала монетки на кассе, совершенно забыв о девочке. В этот миг лимба-писарь исчезла. Даниэла впервые за долгое время осталась совершенно одна.

* * *

На Совете многие молчали, а некоторые даже плакали – так жалко им было расставаться с Даниэлой. Никто ничего не мог сказать, выдвинуть какое-либо дельное предложение. Можно, конечно, прокрутить время назад – эта мысль лежала на поверхности. Раз – и будто не было ничего: ни старухи этой, ни тележки с сыром. Но стереть воспоминания у Даниэлы не получится, тонкая это сфера – голова и душа писателя. Как шёлковая нить, грань между талантом и гением, и в то же время – глубочайшая пропасть, разделяющая вселенные. С талантом давно разобрались во всех параллелях, гений же не понят никем. Кто посмеет нарушить этот невесть откуда взявшийся баланс творца, качнуть чашу весов в ту или иную сторону? И вот среди всеобщего воя и стонов слово взяла Брумхильда – неприступная, обладающая холодным рассудком Верховная лимба.

– Главный вопрос на повестке дня – наша Даниэла. Выход из этой ситуации я вижу только один. Я предлагала на нашем прошлом заседании открыться Даниэле, поговорить, предложить что-то взамен человеческой литературы. Например, мы можем исполнить некоторые её мечты, небольшие желания. Параллель Лимб не вмешивается в параллель людей, это так. Но девочка – гениальный рассказчик, и ей всего четырнадцать лет, мечтать и мечтать! А когда повзрослеет, сама решит. И ещё... Питер. Нужно оставить мальчика в покое, не будем больше вмешиваться в его судьбу. Отзовите всех помогающих ему в спортивной карьере, теперь это ни к чему. – Лимбы переглядывались, согласно кивали. Брумхильда, выдержав минутную паузу, продолжила: – Нужно выбрать кандидатуру для серьёзного разговора с Даниэлой. Какие будут предложения?

Поднялась призрачная фигура – клубящиеся волокна дыма. Однако голос фигура имела громкий, даже сбивалась на фальцет:

– Меня зовут Йен, я из параллели Дарк, из рода Йени Ра.

Площадь накрыли возмущённые возгласы и хохот:

– Да уж! Мы вас хорошо запомнили ещё с прошлого заседания! Как там вас, месье... скандалист! Не себя ли вы хотите предложить? Народ мира Дарк тише водной глади, чего совершенно нельзя сказать о вас! Да такую неуравновешенную персону разве можно подпустить к ребёнку? И пожалуйста, перестаньте пищать!

Фигура, больше похожая на дымку или длинный луч блеклого света, согнулась пополам. Руки – две световые нити – поднялись к небу.

– Извините меня за недавнее происшествие – я был несдержан. Но сейчас я вовсе не себя имел в виду, а настоящих родителей Даниэлы. А точнее, её родню – она ведь тоже из народа Дарк, задумчивость и рассеянность досталась ей именно от нас! Её душа – из древнейшего и уважаемого рода Йоши Ра. Мы понимаем Даниэлу как никто из вас! Если именно мы выберем представителя и всё объясним Даниэле, это будет справедливо!

Но представителю мира Дарк даже не дали закончить речь – поднялся страшный гвалт и крики:

– Этого ещё не хватало! Вместо одной проблемы приобретём сто! Когда это было, и было ли вообще? Даниэла из параллели людей – и точка! Вы что же, хотите огорошить малышку известием, что она не является родным ребёнком не только своей семьи, но и всего людского рода? Не бывать этому! Не бывать!

Йен не собирался уступать свою позицию и защищался как мог. Обстановка накалилась до предела, и Брумхильда попыталась всех успокоить:

– Тише, тише, призываю всех к тишине! Даже речи идти не может о раскрытии тайны рождения Даниэлы! То, что она не из резерва душ людей, ей знать рановато! Успокойтесь, прошу вас! Тишина! Тишина! – Наконец, устав надирать голос, Брумхильда хлопнула в ладоши. Звуковая волна прижала митингующих к земле, энергия разошлась над головами, моментально лишая присутствующих слуха и памяти ровно на одну минуту. В установившемся молчании Брумхильда продолжила:

– Я услышала вас, представитель народа Дарк. Сейчас на повестке дня не родословная Даниэлы, а её будущие книги для нас. Поэтому нужно хорошо поразмыслить и выбрать достойную кандидатуру.

Поднялась особа в элегантном наряде, нервно перебирая крупные бусы из горного хрусталя:

– Я Мирабель, писарь Даниэлы. Я знаю её, как никто другой. Предлагаю отправить на переговоры именно представителя мира Лимб. Как наиболее образованные натуры, мы справимся с этой задачей лучше других.

Косматая дама, голова которой будто не знала расчески больше ста лет, выкрикнула:

– Ну конечно, представителя мира Лимб! Разумеется, куда нам без вас! Поди, себя предлагаешь для переговоров? А, лимба? До чего же наглый народ! До чего наглый!

Мирабель растерялась, выпустила бусы из рук, и нить их с мелодичным звуком развернулась, повиснув ниже колен.

– Нет, я не предлагаю себя! Я слышала, что есть лимба – её зовут Ария, – которая обладает чудеснейшим голосом; с помощью него она может уговорить любого принять правильное решение! А разве не это сейчас самое главное?

По толпе прокатился ропот одобрения:

– Это то, что нам нужно! Да! Да! Ария! Ария! Ария!

Брумхильда кивком головы велела Мирабель сесть.

На постамент пригласили подняться Арию. Она была нежнейшим созданием, как, впрочем, и все лимбы. Тонкие, покрытые мелкими веснушками руки придерживали за шнурок широкополую шляпу. Когда прилетела срочная весть о возникшей чрезвычайной ситуации, Ария скакала на коне, поэтому и попала на Совет в столь странном виде – в брюках, заправленных в сапоги, белой блузке и шляпе.

– Ну, лимба! Скажи что-нибудь, покажи, на что способна! – В толпе снова мелькнула косматая голова и тут же смешалась с присутствующими. Ария подняла глаза цвета лазури:

– Я вам спою, можно?

Её хорошенький носик мило сморщился, пухлые губы приоткрылись. Голос окутал площадь, даря тепло. Он был отдалённо похож на звуки свирели юного пастушка в полях Пенсильвании. Рожок... слышался призывный рожок... и колокольчики... Присутствующие раскачивались, следуя мелодии, притопывали, замороженные голосом Арии. А она будто и не пела, а говорила со всеми – то прижимая руки к груди, то простирая их над площадью, даря свет всем и каждому.

– Достаточно! – Окрик Брумхильды заставил её умолкнуть. – Разговор с Даниэлой должен состояться немедленно!

Лимбы торопливо прокрутили время назад – к тому моменту в супермаркете, когда случилось непоправимое.

* * *

Старушка охнула, ухватившись за тележку, и едва устояла на ногах. Возмущенно взмахнула рукой в сторону Даниэлы:

– Смотри под ноги, а то споткнёшься и упадешь! Таким как ты мечтателям только книги писать!

Даниэла будто очнулась от глубокого древнего сна. Почему-то вспомнила Томаса, его непоколебимую уверенность в собственном превосходстве. Если кто и заслуживает, чтобы о нём написали книгу, так это он. В мыслях возникли фрагменты ранних выдуманных ею историй – сюжеты, которые практически стерлись из памяти. «Я обязательно напишу книгу! Как мне раньше такое в голову не приходило?» Она помогла бабушке докатить тележку до выхода.

– Извините, бабушка.

Старушка, смягчившись, улыбнулась Даниэле, погладила по плечу:

– Ничего деточка, ничего!

Даниэла обернулась на полку со всякой ерундой и задержала взгляд на блокнотах. Вздохнула и пошла на кассу оплачивать молоко – заторопилась домой. И тут краем глаза, у витрины с печеньем, заметила удивительную женщину. Что-то с ней было не так. Да с ней всё было не так! Например, розовые кудрявые волосы, совершенно младенческие. Мягкие кудряшки, как пух, обрамляли ярко накрашенное лицо. Её можно было с уверенностью назвать красивой, если бы не излишняя худоба. «Слишком худая и странно одетая. Широкополая ковбойская шляпа, белая тонкая блузка и брюки, заправленные в сапоги. На коне скакала, что ли? А время обеденное, и на улице ноябрь! Манекенщица или ролик в магазине снимают?» Даниэла осмотрелась, но никого похожего на оператора не заметила. Женщина не торопясь выбирала печенье. Потянув пальцами с заострёнными ногтями, она вытащила с полки песочное – любимое лакомство Даниэлы. «Нужно торопиться домой. Мама ждёт». Девочка отвернулась от странной женщины и подала продавцу деньги. Положила молоко в пакет, пересчитанную сдачу – в карман. И вдруг в её голове прозвучал красивейший музыкальный голос:

– Пригласи меня в гости на чай, Даниэла. Я твоё любимое печенье куплю!

Каким-то образом девочке сразу стало понятно, что обратилась к ней женщина с розовыми волосами. Даниэла обернулась к незнакомке, их глаза встретились.

– Не пугайся, я – обычная лимба, меня зовут Ария. И я не твоя фантазия! Нам нужно срочно поговорить. И не беспокойся – меня никто не видит и не слышит, кроме тебя. Ответь мне мысленно, Даниэла, просто подумай. – Незнакомка держала в руках пачку печенья, а её губы даже не шевелились.

Растерявшись, Даниэла не сразу нашлась что ответить. Но врождённое любопытство взяло верх над природным чувством самосохранения, и, минуту поколебавшись, Даниэла пригласила Арию в гости, мысленно сказав да.

Глава третья

Книги

Ария зашла к Даниэле в комнату – она много раз бывала тут, но впервые в качестве настоящей гостьи. Лимба смущённо села на самый краешек дивана, потом поправила подушки, облокотилась. Сняла шляпу, и её розовые волосы рассыпались по плечам. Покрутив шляпу в руках, она положила её к себе на колени. Даниэла принесла чайник, чашки и высыпала пачку печенья в вазочку. Разлила чай по чашкам. Забравшись на соседнее кресло, поджала под себя ноги и приготовилась слушать. Ария взяла чашку с горячим чаем и печенье. В параллели Лимб любят сладости и даже обедают ими, но сейчас Ария была в гостях и вела себя скромно. Разговор предстоял серьезный, но, в отличие от Даниэлы, Ария знала: за ними наблюдают сотни любопытных глаз. Стараясь придать голосу как можно большую мягкость и напевность, лимба решительно заговорила:

– Я – Ария, представитель параллели Лимб. На земле тринадцать параллельных реальностей. Границы в некоторых местах размыты, но я здесь по другому поводу. – Ария сделала глоток горячего чая. – Даниэла, ты фантазируешь, придумываешь разные истории, это, конечно, делают многие, я понимаю. Но! Твои истории не просто обрывочные, никуда не идущие мысли, нет! Твои истории последовательны, интересны и необычны, я бы так сказала. И я давно знаю тебя, так как читаю твои книги с большим удовольствием. Да что там говорить, ты – гениальный сказочник многих миров, можешь этим гордиться! Писать для нас – трудная задача, скажем так, невыполнимая... – Ария посмотрела на Даниэлу, подбирая правильные слова, и продолжила: – Но тебе это удалось! Из твоих историй мы создаём книги. И эти книги реальны, они теперь существуют не только в твоей голове. Разве не это самое главное? И тут я именно по этому поводу. – Ария всмотрелась в напряжённое лицо Даниэлы. – Кстати, возможно, те, кого вы называете феями, – это и есть мы? Правда, лично у меня нет крылышек, можешь убедиться! – Ария повела плечами и отчего-то рассмеялась, но, заметив внимательный взгляд Даниэлы, вздохнула. – Мы, лимбы, научились управлять энергетическими потоками сознательно, то, что для нас образ жизни, для вас волшебство. Понимаешь? В этом разница! Все тринадцать параллельных миров связаны друг с другом порталами. Поэтому мы можем беспрепятственно проникать в вашу параллель и жить рядом сколь угодно долго, то становясь видимыми для вас, то полностью скрывая своё существование. Мне, к примеру, нравится оставаться невидимой, потому что вы, люди, много внимания уделяете внешности. А прикладывать усилия, чтобы не отличаться от вас, мне тяжело. Так вот, мир людей – самый материальный из всех на нашей планете, поэтому вы привлекаете разных существей, не только лимб. Вокруг могут находиться те, кого вы совсем не замечаете. То есть в эту секунду мы можем быть не одни. – Ария, поерзав на диване, отставила чашку и наконец убрала с колен шляпу. – Проблема в том, что природа сыграла с людьми злую шутку – приняв за данность этот мир, вы отвергаете любой другой. Абсолютно всё, что вам не понятно, вы называете волшебством и магией! Ну разве это не смешно? – Ария с улыбкой посмотрела на Даниэлу, но, увидев её совершенно серьёзное лицо, вздохнула. – У нас к тебе большая просьба: не писать книги для людей, а писать их для нас. Пожалуйста! Потому что гениальный писатель в мире людей рождается раз в столетие, а писатель волшебного мира – раз в три тысячи лет. Лучше писать для всех параллельных миров, чем для маленькой горстки людей, понимающих на немецком. Конечно, существуют переводы... Но это в любом случае несравнимо! Вот я иногда читаю книги других параллелей и даже собираю из них библиотеку, но это ничто по сравнению с книгами лимб. Я изучала языки

самостоятельно, не так, как писари, но всё же кое-что понимаю в этом. Даниэла, пожалуйста, исполни нашу просьбу, а когда повзрослеешь, сама решишь, как поступить. Взамен мы будем исполнять твои маленькие желания. Только помни: за все исполненные желания в мире людей приходит расплата – так действует волшебство в вашей реальности. Мы не просим соблюдать тайну, потому что ты – фантазёрка и можешь рассказывать что угодно! Единственное условие: никогда не начинай писать книгу на бумаге – ни единой буквы, ни строчки. Если ты ослушаешься, параллельные миры для тебя тут же исчезнут. – Ария сделала глоток остывшего чая и поморщилась, но попросить Даниэлу налить ещё чашку постеснялась. Держа двумя пальцами кусочек печенья, она обернулась к девочке, ожидая ответа. Даниэла, поразмыслив, спросила:

– А можно мне увидеть мои книги?

– Я думаю, можно, только они хранятся в библиотеке, каждая в единственном экземпляре. На руки их никому не выдают. Иллюстрации к ним – живые. То есть актёры, изображающие персонажей – лимбы, иногда эллийцы, варны, в общем, все, кто захочет, – навсегда заточены в книгу. Так они обретают бессмертие. Я всё думаю: как они на это решаются? Существует ещё и конкурс на роль – представляешь? И желающих – полно! В некоторых эпизодах, к примеру, они живут в доме с садом и огородом. Пришёл читатель, открыл книгу, они ему по сюжету всё показали. А если эпизод с войной? Это же всю оставшуюся жизнь воевать! Или поединок с драконом – он дышит, прожаривая тебя, как бекон! Сомнительное удовольствие! – Ария вздохнула. – Даниэла, каждая твоя книга написана на всех языках всех миров – кроме мира людей. И защита у каждой книги есть – в ней невозможно ни порвать, ни даже помять страницы. Ни в огне она не сгорит, ни в воде не утонет. А вот украсть – могут. Поэтому и не выдаем книги на руки – все в читальном зале читают, под охраной. А охраняют библиотеку псы-церберы и каменные истуканы – ну, это вы их так называете, – так что мимо не прошмыгнешь. В последнее время в библиотеку пускают по паспортам и по записи. Там не только твои книги, но и многих других писателей, древних магов. Некоторые книги брать в руки можно не всем – упадёшь замертво или онемеешь навсегда, а онеметь в параллельном мире – не то что в мире людей. Стать немым – это не только перестать говорить, но и перестать думать. Страшное дело! А вот на твои книги запрет минимальный, потому что они сказочные, для всех. Это необыкновенные истории о космических мирах, далеких вселенных. Не только люди хотят до конца понять, что там... Послушай, Даниэла, писать для людей ты всегда успеешь, да и не любят люди книги так, как мы, лимбы. – Её рука потянулась за печеньем, но пакет оказался совершенно пуст. Даже крошки – и те были ею съедены. Ария, смутившись, поправила воротник белой блузки. Потянулась к чашке с чаем, но и она оказалась пуста. Тогда, поправив розовые волосы, она надела шляпу.

– Даниэла, когда примешь решение, позови меня мысленно. Подумай обо мне, и я появлюсь. Это как отправить приглашение по почте. Просто нужно представить мои волосы, улыбку, будто я уже здесь сижу. Так можно вызвать любую сущность, главное – верить в это. Для людей это очень сложно, но у тебя, фантазёрки, точно получится! – Ария мягко улыбнулась. – Мне пора. А можно я воспользуюсь твоим зеркалом? Кстати – это портал. Его установили в твоей комнате десять лет назад для удобства писарей.

Даниэла, с ужасом обернувшись к зеркалу, медленно кивнула. Ария, не раздумывая, шагнула в образовавшуюся в центре зеркала воронку, и стеклянная поверхность, расходясь волнами, поглотила её. Даниэла подскочила к зеркалу, вытаращив глаза, и положила ладонь на прохладную поверхность, совершенно твёрдую и холодную. Постучала пальцем – раздался характерный стеклянный звук.

Комкая пустую упаковку от печенья, Даниэла задумалась. Оказывается, все в её жизни не так, как кажется! Она решила позвонить Питеру – посоветоваться. Уселась на диван, взяла телефон – и так и осталась сидеть с пальцем, занесённым над телефонным номером. Как рассказать свою историю так, чтобы он поверил? Сейчас Даниэле казалось нереальным, что она

пригласила в дом незнакомку и вела с ней беседу. Даниэла даже потрогала место, на котором недавно сидела Ария. Симпатичная женщина – представитель параллели Лимб? Волшебство? Ни крыльев, ни крошечного роста – ничего необычного. Может, это розыгрыш? Хотя мама не то что не заметила гостью – она её точно не видела! А ведь Ария прошла мимо неё в комнату. Это уже странно! Но если она сама себе не верит, как же ей поверит Питер? Как ей вообще хоть кто-то может поверить? Даниэла долго думала о предложении Арии и о литературе. «Хоть бы одним глазочком на свои книги посмотреть! Может, схитрить, согласиться на предложение, а потом отказаться?» Но не такая была Даниэла – она не умела обманывать. А писать настоящие книги для людей хотелось, и перед этим желанием отступало любое волшебство.

* * *

Прошла неделя, но Даниэла так и не поделилась с Питером этой историей. Она сама всё тщательно обдумала, прежде чем согласиться. Дождавшись, когда родителей не было дома, она села в кресло и представила Арию – лимбу с ярко накрашенным лицом и розовыми волосами, рассыпанными по плечам. Представила её тонкие, длинные пальцы, сжимающие широкополую шляпу; как она смешно морщит нос, когда подносит ко рту чашку чая, как говорит, тщательно разжевывая кусочек печенья.

Через десять минут мозгового штурма Ария наконец материализовалась. Вот она – сидит себе на диване, поправляя воздушные воланы голубого платья, обсыпанного блестками, смотрит на Даниэлу и улыбается. А на ногах – резиновые сапоги, заляпанные грязью, и на щеке – чёрное пятно. На вопросительный взгляд Даниэлы Ария ответила:

– В саду работала, когда ты меня к себе позвала, – не успела переобуться. А платье – так это то что нужно, можно сказать, самое главное, когда цветы сажаешь! Луковицы цветов на меня нарядную смотрят и быстрее в земле принимаются, корни пускают! Всем известно, что красота тянется к красоте, вот! Закон природы! Я ночью цветы сажала, белые милисты, когда услышала, что ты меня зовёшь. У нас весна, середина апреля, самое время сажать! Они зацветут только к августу, толку, признаться, от них никакого, но красота необыкновенная! Меня бабушка за милисты сильно ругает – считает, что они только занимают место в саду. Она не любит бесполезные растения, вот я втихомолку ночью и сажаю. Потом бабушка не выкопает их уже – ей будет жаль. – Ария вздохнула, рассматривая свои грязные сапоги. Высокие, из плотной резины, они доходили ей до бледно-розовых коленей. Даниэла принесла тапочки для гостей. Переобувшись, Ария повеселела:

– Спасибо за тапочки, а то неудобно как-то в грязной обуви по дому ходить.

Они прошли на кухню, Даниэла усадила гостью на диванчик у окна. Поставив на стол большое блюдо с пончиками, налила чаю, пододвинула ближе к Арии сахарницу:

– Угощайся! Ария, ты говоришь, что сажала цветы ночью, но ведь сейчас раннее утро и ноябрь! – Даниэла показала на окно. Ария, посыпая пончик сахаром, беззаботно ответила:

– Это у вас утро и ноябрь, а у нас – ночь и апрель! – Прожевав пончик, она облизнула губы, отложила ложку и посмотрела на Даниэлу.

– Ты меня позвала рассказать о принятом тобой решении? Мы все надеемся, что оно положительное, не так ли?

– Да. Я согласна писать книги, но с условием: срок нашего сотрудничества определю сама. И ещё: я хочу видеть всех представителей параллелей, кто переступает порог моего дома. Нехорошо, когда гостей не видно, – будто ты живешь в телепроекте, под тысячами камер. Мне это очень неприятно! Я даже спать стала плохо – мне мерещатся какие-то тени. Так и с ума сойти можно! – Сказав это, Даниэла нервно выдохнула.

Ария рассмеялась, всплеснула руками:

– Глупая! Тебе совершенно нечего бояться! Тебя все просто обожают, это я тебе с уверенностью говорю! Даниэла, кстати, когда ты спишь, вокруг тебя никого и нет, это уж точно! Ты во сне ничего не придумываешь, в этом мы давно убедились! – Став на минуту серьёзнее, задумавшись, она прикусила нижнюю губу. – А вообще, насчёт твоего желания видеть всех, ответ зависит не от меня. Это решение может принять только Совет. – Ария погладила Даниэлу по плечу. – Я сегодня же передам твои условия. Не грусти!

– А как выглядит писарь? – поинтересовалась Даниэла.

– Писарь – обычная лимба, только она имеет тринадцать высших образований и все они связаны с литературой. Нешуточная это задача – переводить с человеческого языка на языки тринадцати параллелей. На писаря к тебе был большой конкурс, потому что ты – единственный автор из ныне живущих на земле, который пишет для волшебного мира. – Ария так увлеклась рассказом о писарях, что незаметно съела все пончики. Вскоре она засобиралась:

– Пока мы с тобой болтали, в моем мире прошло много времени. Солнце два раза село за горизонт и два раза встало. А я миллисты прямо на грядке оставила, к тебе торопилась, у них, наверное, все корешки засохли! Может, бабушка их уже выбросила за ненадобностью! Обидно будет! – Ария прошла в коридор, сняла тапочки и засунула ноги в свои грязные резиновые сапоги.

– Я передам Совету все выдвинутые тобой условия, – ещё раз повторила Ария и взялась за ручку входной двери. – До встречи, дорогая!

– А ты разве не воспользуешься зеркалом, как в прошлый раз?

– Нет, я пройду пешком к другому portalу – у меня небольшое дело в вашем городе, тут недалеко.

Закрыв за Арией дверь, Даниэла взялась за веник. Лимба ушла, а грязь, отвалившаяся с резиновых сапог, осталась. Размяв её в пальцах, Даниэла убедилась, что на вид это обычная высохшая земля. Она недолго раздумывала над этим фактом, смела землю в совок и выбросила в ведро.

* * *

Брумхильда сидела за дубовым столом в своём кабинете, массируя затёкшую ногу, уже пару месяцев не дававшую ей покоя. Она размышляла об обстоятельствах разговора Арии и Даниэлы и натягивала на ступню толстый шерстяной носок. Брумхильда ясно отдавала себе отчёт о не совсем правильном решении, принятом на Совете. Ария, её манера общения с девочкой на равных, – всё это только добавило проблем. Ария не справилась с возложенной на неё миссией, почти получив согласие Даниэлы. А что значит «почти» в таком важном деле? Ничего не значит! Она, Брумхильда и никто иной, должна была разговаривать с Даниэлой! Надавить на девчонку своим авторитетом, испугать, в конце концов! А эти розовые сопли, которые развела Ария, привели лишь к не решённому до конца вопросу. Брумхильда помнила, как многие выдвигали вполне обоснованные сомнения по поводу того, сможет ли Даниэла придумывать так же хорошо, если познакомится с параллельными мирами поближе. Вполне возможно, реальность станет для неё гораздо интереснее любой фантазии. Брумхильда постучала иссинечёрным ногтем по столешнице. Нет, Даниэла будет писать не хуже, в этом она не сомневалась, ведь фантазии девочки не знают границ. На самом деле беспокоило Брумхильду другое – требование Даниэлы видеть гостей. Это не просто абсурдно – это опасно! Не все сущности – добрые, каждая имеет свой характер, они могут показываться людям, а могут и нет. Даже друг другу они могут не показываться! Некоторые из них шастают из мира в мир, подглядывают, развлекаются; иные обожают мир людей, шутят, прячут вещи. Никто не может быть уверен, что в данную секунду он один. Никто – ни в одном из миров, ни в одной секунде времени. Сразу за миром людей – мир Домхан, третья параллель. Они делят с людьми практически

одно пространство – миры ведь поделены нечётко, они «наползают» друг на друга в некоторых местах. Так вот, существа мира Домхан – злые, отвратительные демоны, люди хорошо с ними знакомы и называют их «домовыми». Они скрипят половицами, хлопают дверьми, прячут вещи. У представителей разных миров – разная защита. Чем осознаннее миры, тем защита более изопрённа. Мысли шифруют, пространства кодируют, проходы прячут. И все значительные дела делаются с оглядкой. А тут – гостей видеть! Нет, это совершенно невозможно! Надеть Даниэлу волшебным зрением – зачем? Это изменит её навсегда. У людей самая идеальная защита от представителей других миров – материальность их мира: вера в неё делает их неуязвимыми. «ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ, ПОТОМУ ЧТО БЫТЬ ЭТОГО НЕ МОЖЕТ!» – девиз мира людей, и перед ним любое волшебство бессильно. Показать ненадолго мир Лимб нетрудно, но видеть его всегда люди не смогут. Волшебство для обычного человека – проклятие, и последствия в этом случае непредсказуемы. Брумхильда понимала, что желание Даниэлы – задача невыполнимая.

Живет, правда, на Алтае одна ведьма – ей 630 лет и раньше она была человеком. Эта ведьма обладает самым настоящим волшебным зрением, но уж больно отвратительный имеет характер. Волшебство и магию использует в своих целях, при этом параллельные миры на дух не переносит. И негостеприимна – это всякий скажет, кто с ней знаком. Зовут её Томарис – «Злое сердце». От нахлынувших неприятных воспоминаний Брумхильда поморщилась и, решив выпить успокоительное, поднялась из-за стола. Она прошла к шкафу и, не раздумывая, распахнула стеклянные дверцы. Томарис! Эта ведьма в свое время выпила немало крови глупых лимб. Избавление от нее дорого обошлось всей девятой параллели, лишив их дружбы с эллийцами на долгие девяносто шесть лет...

Брумхильда накапала в бокал зелье. Жидкость едва прикрыла стеклянное дно, как она уже закрутила крышку и убрала бутылку в шкаф. Вылив янтарную жидкость на язык, Брумхильда охнула, а потом, задержав дыхание, шумно выдохнула. Решено – Ария останется переговорщиком и дальше. Ответ параллели Лимб будет отрицательным! Даниэла не получит то, что хочет!

Брумхильда нарочито громко стукнула пустым бокалом о стол. Решения, принятые ею единолично, она не меняла никогда.

* * *

Даниэла шла из школы, и вдруг, остановившись на перекрестке, увидела Арию, как всегда нарядную, в струящемся сиреневом платье. Лимба с трудом удерживала развевающийся подол – ноябрьский ветер нещадно рвал его в разные стороны. Встретившись с ней глазами, Даниэла подошла и встала рядом:

– Привет!

– Привет! Мне не холодно, – предупреждая вопрос, сказала Ария. – Я по делу. Мы покажем тебе твои книги, ты познакомишься с писателями, а вот видеть своих гостей тебе не стоит, Даниэла. – Ария оглянулась на светофор – горел красный. – Представь: они будут мелькать перед тобой, как в бесконечном цветном калейдоскопе, – из-за наложения времени. Блики, просто блики! И они будут сильно отвлекать тебя. Да и писателя видеть во время работы ни к чему – это навредит твоей фантазии. А вот желания твои мы будем исполнять столько времени, сколько ты будешь писать для нас книги. Это мы тебе твёрдо обещаем! – Ария нервно одёрнула взмывший ввысь подол, открывший нежные розовые колени. – Только помни: любое исполненное желание человека может навсегда нарушить гармонию вашего мира. – Ария внимательно взгляделась в расстроенное лицо Даниэлы. – Ну же, Даниэла, с главным условием мы ведь согласились! Тебе решать, сколько времени ты будешь писать для нас книги. Да и развлекать будем, с нами не соскучишься!

Даниэла пребывала в отвратительном настроении – волшебный мир не желал соглашаться с её крошечными, незначительными условиями. Почему? И ещё это паршивец Михаэль налил ей в портфель грязной воды, испортив тетрадь и книжки. Даниэла резко обернулась. В глазах её было столько непримиримости и обиды, что Ария отступила.

– Хорошо! Я посмотрю, как вы можете исполнять мои желания! Для начала избавьте меня от этого дурачка Михаэля! Думаю, это для вас не так сложно? Вот моё желание! Избавьте меня от этого мальчишки! – Даниэла поправила шапку и натянула на голову капюшон. Полил ледяной дождь, и ветер совершенно озлобился, бросая пригоршни мокрых листьев в лица прохожим.

Загорелся зелёный сигнал светофора. Ария потянулась к Даниэле, желая утешить, погладить по плечу. Но Даниэла, не оглядываясь, побежала через дорогу. Все эти беспредметные разговоры начинали ей надоедать.

* * *

Прошла неделя. Лимбы совсем не беспокоили Даниэлу. Ария больше не появлялась, Даниэла даже заскучала по ней. Однажды, валяясь в постели с книгой, Даниэла решила поговорить с Томасом. Вот кто мог дать ей совет! Девочка вскочила, торопливо натягивая трико, и заглянула в экран телефона. Время – 19.22. Если поторопиться, ещё не так уж поздно и она успеет вернуться домой до прихода родителей. Накинула куртку и, закрывая дверь на ключ, подумала: как такая здравая мысль не пришла ей в голову раньше?! Томас, только он мог ей помочь!

Не обращая внимания на мелкий холодный дождь, который почти не прекращался вторые сутки, она бежала, перепрыгивая через лужи, будто за ней гнались. Попавшая в кроссовки вода неприятно хлюпала. Не обращая на это внимания, Даниэла нашла старый лаз – прорванную в двух местах сетку ограждения школы. Отогнув её, она пролезла на территорию, чуть не свалившись в грязь. Наконец, запыхавшись, Даниэла замерла перед деревом.

– Томас... Привет. Я за советом... Спросить хочу кое-что... Я... я не знаю, как поступить. Хочу писать настоящие книги для людей, но чувствую вину перед параллелью Лимб, будто не желаю согласиться, не желаю помочь им! – Даниэла уверенно зашла под крону. – Я чувствую себя грубиянкой! – Приблизившись к Томасу, от навалившихся на неё переживаний она раскинула руки и прижалась к дереву. Теплая шершавая кора быстро согрела ей щёку. Время замедлялось, Даниэла стремительно погружалась в чёрно-белую картину мира. И она услышала Томаса – он говорил с ней, как старый друг, спокойно и рассудительно:

– РАСТЕНИЯ ДЕЛЯТ С ЛЮДЬМИ ОДНО ПРОСТРАНСТВО И ВЕРЯТ В МАТЕРИАЛЬНОСТЬ ЭТОГО МИРА. МИР ЛИМБ ЧУЖД НАМ, КАК И СУЩНОСТИ ИЗ ДРУГИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ. НЕТ ТВОЕЙ ВИНЫ НИ В ЧЁМ. ПОТОМУ ЧТО ЕЁ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ В ПРИНЦИПЕ. ПРИНАДЛЕЖАТЬ МИРУ, НО НЕ БЫТЬ ИМ, – ВОТ ТВОЙ ПУТЬ.

– Томас, а они знают о тебе? О нашем знакомстве?

– НЕТ. КОГДА ЗАХОДИШЬ ПОД КРОНУ, ТО ИСЧЕЗАЕШЬ ВО ВСЕХ МИРАХ ВСЕХ ИЗМЕРЕНИЙ. ЧЕЛОВЕК СПОСОБЕН ДЫШАТЬ ТУТ НЕ БОЛЕЕ СЕМИ МИНУТ. НО, Я ДУМАЮ, ТЫ НЕ СОВСЕМ ПРИНАДЛЕЖИШЬ К МИРУ ЛЮДЕЙ.

– То есть мир Лимб теряет меня из виду? Я испаряюсь? Сейчас меня не видно?

– ТЫ ПЕРЕСТАЁШЬ СУЩЕСТВОВАТЬ ДЛЯ ВСЕХ МИРОВ И ВРЕМЕН.

– Вот почему они никогда не говорят о тебе! Из-за этого?

– МИР РАСТЕНИЙ ВТОРИЧЕН. ОНИ НЕ ГОВОРЯТ, ПОТОМУ ЧТО ОБ ЭТОМ НЕ ДУМАЮТ.

– Лимбы читают мысли, а я постоянно думаю о тебе. Вскоре они догадаются и зададутся вопросом.

– НЕТ. ОНИ ЗАПИСЫВАЮТ ТВОИ ИСТОРИИ, СЛУШАЮТ ИХ. ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ТВОИ ОБРЫВОЧНЫЕ МЫСЛИ – ПРОСТО ФОН, КАК БУДТО ЭПИЗОДЫ НЕСУЩЕСТВУЮЩИХ КНИГ. И ПОТОМ, ДАР ЧИТАТЬ МЫСЛИ ЕСТЬ НЕ У ВСЕХ ЛИМБ.

– Спасибо тебе, Томас. Мне действительно кое-что нужно от них получить. Для начала я хочу увидеть свои книги. – Даниэла отпустила руки, перестав обнимать дерево. Ей стало намного легче, будто решение уже было принято. – Пока, Томас! – И, сунув руки в карманы куртки, девочка побежала домой.

* * *

Вымокнув до нитки, Даниэла быстро переделась в пижаму, налила себе тарелку маминого супа и включила телевизор. Показывали местные новости. На фоне центра города репортёр, кутаясь в осеннее пальто и сопротивляясь порывам ветра, почти кричал в микрофон:

– В Хамельне произошло мистическое событие! Из реки Везер выпрыгивают крупные зелёные лягушки и застывают на берегу. И это в конце ноября! Мальчишки ловят их, сажают в банки и как чудо чудное таскают по городу. Местные аптекари предлагают скупать лягушек по два евро за штуку. Но не тут-то было! Через сутки лягушки испаряются из банки, будто их и не бывало! – Репортёр на секунду исчез из кадра, вытянув руку, схватил за шиворот мальчишку и развернул его лицом к камере:

– Вот! Поглядите на него!

И тут Даниэла узнала Михаэля! В разодранной куртке, с выбившейся из брюк белой рубашкой, возбуждённый, он выглядел нелепо. От его обычной аккуратности не осталось и следа. В таком растрёпанном виде одноклассника Даниэла видела впервые. Михаэль сжимал толстыми пальцами совершенно пустую стеклянную банку.

– Мальчик, ты ещё не поймал лягушку или она испарилась?

Михаэль, пытаясь вывернуться из цепких рук репортёра, закричал:

– Она исчезла! Исчезла! Исчезла! – Шмыгнув, он вытер нос измазанной грязью ладонью, оставляя на щеке чёрные разводы. Репортёр с чувством выполненного долга отпустил Михаэля:

– Вот! Мне за целый день съёмки ни одной лягушки увидеть так и не удалось! Многим удалось увидеть лягушку, а мне нет! – Репортёр удручённо развёл руками.

Картинка быстро сменилась – начались политические новости. Даниэла выключила телевизор и на минуту задумалась: «Лягушки? Да что с ними не так? Что это за бред?» Доев суп, она вымыла тарелку.

Уроками заниматься совершенно не хотелось – она чувствовала сильное желание сесть и писать книгу. Даниэла достала пачку бумаги для ксерокса и разорвала упаковку. Слова так и просились на белоснежные листы. Девочка представила название – крупные ровные буквы на тёмно-синей обложке: «ПАНТАЛИАНА»...

Даниэла пошевелила пальцами, представив, будто в самом деле печатает на бумаге. Лист заполняется мелкими чёрными буквами, она смахивает его на пол, берёт следующий лист, потом следующий, ещё и ещё... Так продолжалось несколько часов. Увлёкшись сюжетом, Даниэла подняла лицо к потолку и совершенно потеряла счёт времени. Наконец, совершенно устав, Даниэла собрала бумагу с пола. Тяжёлая, увесистая пачка заняла место на краю стола. За окном шёл проливной дождь, тарабаня по крышам и шиферу веранд. Даниэла протёрла ладонью запотевшее стекло и взгляделась в черноту ночи, медленно уступающую серости предрассветного утра. Продрогнув, она достала из шкафа пушистый плед, закуталась в него. И вдруг ей сильно захотелось увидеть Арию.

Даниэла представила розовые кудрявые волосы лимбы, её мягкую улыбку, позвала:

– Ария...

Лимба тут же материализовалась в кресле.

– Я давно тут, Даниэла. Слушала, как ты пишешь книгу. Интересно, необычно, ново. Я бы сказала, что это не похоже на твой прежний стиль, как-то совсем по-взрослому. Ты меняешься, и мир вокруг меняется тоже. Интересно. Эти разумные черви... Неужели где-то существует такой мир, именно такая форма разумной жизни? Как тебе вообще это приходит в голову?

– Не знаю. А писарь записывал? – Даниэла легла на диван, положив голову на подушку.

– Да, – ответила Ария. – Писаря зовут Розалинда. Она ушла около трёх минут назад – устала так же, как и ты.

– «Панталиана» – это моя последняя книга для вас, если вы не выполните моё условие. Я требую волшебное зрение – или заблокируйте доступ к моему дому! Если я никого не вижу, значит, и мне не нужно никаких гостей! Это на самом деле невыносимо! Я постоянно чувствую на себе взгляды! У меня уже развивается паранойя! Почему вы не желаете согласиться? Почему? Разве это так трудно!? – Даниэла резко села, откинув пушистый плед.

Ария тоже резко встала с кресла, запутавшись в подоле алого платья. Её увесистое кольцо с красным камнем на указательном пальце зацепилось за ткань. Она нервно дернула рукой, пытаясь высвободиться, – из тонкой материи тут же вытянулась петля. Ария, словно ничего не замечая, шагнула к двери, взявшись за ручку.

– Это зависит не от меня лично, ты же понимаешь! Я уже и так всё передала, слово в слово! И передам ещё раз! Даниэла, у меня создаётся впечатление, что ты обвиняешь в промедлении именно меня! Но это не так!

Ария ушла, оставив после себя едва уловимый запах цветов. Даниэла в попытке побыстрее заснуть укрылась с головой.

* * *

Мир Лимб был встревожен упрямством и настойчивостью Даниэлы – никто не мог принять правильное решение. Последняя книга Даниэлы – у писарей, прочесть её возможности нет. Со слов писарей, книга чудо как хороша. Лимбы, решением Совета, решили тянуть время, а это они умели делать как никто другой. Хочешь – растянут время, как жевательную резинку, хочешь – скомкают, как ненужную бумажку. Развернуть, свернуть его – обычное занятие лимб. До презентации новой книги было решено понемногу знакомить Даниэлу с миром Лимб – увлечь её, заинтересовать. Пусть у неё появятся настоящие друзья-лимбы. Не так-то легко будет потом отказаться, отвергнуть волшебный мир, даже ради человеческой литературы. Для начала лимбы задумали познакомить Даниэлу с её писарями. Встречу решили устроить в кафе, в три часа дня. Один из способов тянуть время – это назначать встречи в три, шесть, девять, двенадцать часов дня. Механизм на удивление прост: встретившись в двенадцать дня, легко и радостно проведёшь время до трёх, а то и до шести! А там и день прошёл! А встретившись в полпервого, успеешь всё обговорить, а часы и полвторого ещё не пробьют! И весь день у вас впереди! Встретитесь в полшестого – в шесть раскланяетесь и побежите дальше! Но совсем другое дело – назначить встречу на 18.00. Проверено – проболтаете до девяти, а то и до утра следующего дня не расстанетесь! Одна такая встреча отнимет сутки! А то и неделю или две потом будете думать об этой встрече, отдавая своё время просто так! Хотите отнять, украсть время, запечатлеть знаковое свидание, вот вам рецепт: 12.00, 15.00, 18.00, 21.00. И для мира Лимб это вовсе не секрет, а так, обыденность!

Из-за предстоящего знакомства Даниэла нервничала. Когда она взялась за ручку входной двери кафе, нетерпение тёплой волной стеснило ей грудь. Она увидит настоящего писаря! Наконец убедится в реальности происходящего! Она вошла, колокольчик за её спиной приятно звякнул. Занятым оказался лишь крайний столик – там молодые люди о чём-то тихо беседовали, допивая кофе. Улыбнувшись сама себе, Даниэла заняла место у окна, сев на деревянный стул со спинкой, а диванчик оставив Арии и писарю. С настенного плаката на неё смотрели

рел старик с чашкой в руках – он улыбался, демонстрируя белоснежные зубы. Надпись внизу гласила: «А вы заказали себе настоящий кофе «Штернглас»? Попробуй мечту на вкус!» Даниэла стянула с головы шапку, сняла куртку. Кое-как пригладив растрепавшиеся непослушные волосы, заказала кофе и булочку с маком. Официант, принявший её заказ, и не думал торопиться, перебирая салфетки за барной стойкой. Даниэла вздохнула. Наконец настенные часы пробили три, и гости тут же явились. Причём они не воспользовались стеклянной дверью кафе с висящим колокольчиком, а просто материализовались из воздуха. Даниэла в восторге ахнула. Их было трое. Ария, как всегда, была неподражаема – красиво уложенные розовые волосы с заколкой в виде огромного желтоватого пиона и струящиеся платье в красных блестках. Здороваясь с Даниэлой, она театрально присела в реверансе. Вместе с Арией прибыли две лимбы.

– Я – Мирабель! – представилась высокая, статная лимба в синем деловом костюме. Из-под пиджака кокетливо выглядывала ажурная белая блузка. На длинной серебристой цепочке висел кулон – восьминогий паук, усыпанный синими камнями, с центральным крупным рубином. Казалось, лапы паука шевелились, а цепочка служила ему паутиной. Даниэла вытаращилась на кулон, приоткрыв рот. Но тут её потянула за руку, развернув к себе, другая лимба – рыжеволосая, с короткой стрижкой, похожая на мальчика-подростка, однако зелёные смеющиеся глаза, густо накрашенные чёрной тушью, опровергали это предположение. Лиловая спортивная куртка и брюки цвета хаки делали образ завершённым.

– Я Розалинда! Наконец-то мы смогли по-настоящему познакомиться! Дай обнять тебя, детка!

Обе они тепло расцеловали девочку, приставили ещё один столик, расселись поудобнее и наперебой начали болтать. Они вспоминали, какой смешной малюткой она была, как неожиданно засыпала посередине интересного сюжета и писарям приходилось ждать её пробуждения.

– Я, признаюсь, – прищурилась Мирабель, поглаживая паука на цепочке, – щекотала твою крошечную пятку, требуя продолжения! А ты смешно поджимала пальчики и морщила крошечный нос!

Ария с Розалиндой захихикали от такой откровенности. Официант быстро принёс кофе, соки, выпечку всех сортов, улыбался и не задавал вопросов. Он словно видел и обслуживал только одну Даниэлу – она стала самым важным гостем в кафе.

Даниэла узнала, что высокая, в деловом костюме Мирабель – потомственная лимба-писарь. Было видно, что она очень образованная и умная. Её отличительными чертами были внимательность и умение всех помирить. Все в её роду были писарями и мечтали поработать на настоящего, живого писателя, но случай всё никак не представлялся. Им приходилось работать в библиотеке или переводчиками между параллелями. Дед Мирабель даже в отделе сыска мира Лимб подрабатывал. А теперь вся её семья очень гордится и рада, что Мирабель исполнила мечту своего рода.

Рыжеволосая Розалинда отличалась тем, что быстро принимала правильные решения, и считалась большим специалистом в языковедении волшебных существ. Она умела говорить голосом гоблинов, а те, как известно, издают низкие гортанные звуки, так что это нелегко. Вот и сейчас Розалинда, отставив чашку, рассказывала Даниэле на чистейшем немецком языке:

– У всех лимб необычные имена. Любое имя имеет явное или скрытое значение, – объясняла она. – Маленькая лимба рождается, и родители внимательно наблюдают за ней, а уж потом дают имя – где-то в год или в два, а иногда и позже. Был такой случай – в одном благородном роду родилась дочь: ни красоты, ни таланта никакого. Молчунья. Родители забеспокоились. Замотали её в ненужное тряпье, потому как жаль было на такую бестолочь шелк переводить, и отнесли дитя Верховной лимбе, на Лысую гору. Нет, говорят, никакого имени у нас для этой девочки, может, и не лимба она вовсе – и что нам тогда с ней делать? Может, за ненужностью скинуть с горы? Помогите! Рассмотрела Верховная лимба девочку – черноволосая, желтоглазая.

Взяла её за ступню и над обрывом подвесила. Рассмеялась кроха, раскинула ручонки в разные стороны – тут и крылышки из спинки появились. Слабенькие ещё, прозрачные, но уже переливающиеся сиреневым перламутром – верный признак лимбы-летучки. Обрадовались родители, на колени упали, благодарили. А девочку Леечкой нарекли. Она сейчас известнейшая личность. Да что там говорить! Лимба-летучка в благородном роду рождается единожды. Или вот ещё история: родилась девочка – слабенькая, болезненная. Ей дают сильное имя, например Варвара, чтобы никогда своего не упускала. И имя помогает ей стать увереннее. Потому что, если родилась в мире Лимб без даров, то уж лучше смерть. Но обычно бывает понятно сразу, как назвать малышку. Вот Арии на седьмой день имя дали. Хотя тогда она ещё не разговаривала и не пела, и о её даре мелодичного голоса никто не знал. А называли её так за розовые волосы несравненной красоты. Ария – это название цветка в мире Лимб, он весь будто из волосинок розовых, правда, дотрагиваться до него нельзя – обожжёт, вмиг застынешь, как каменная статуя. А вот Мирабель до трёх лет без имени ходила, хотя родители сразу приняли решение, как её назвать. Просто имя Мирабель очень говорящее, его ещё оправдать нужно. Так вот, Мирабель оправдывает своё имя на все сто процентов! Лучшего дипломата не найти!

Мирабель от такой похвалы смущённо улыбнулась, откусив от пирожного, щедро украшенного кремом. Даниэла с огромным любопытством слушала, не обращая внимания на то, что чай в её стакане давно остыл.

– Хорошо, хорошо, – замахала руками Розалинда, рассмеявшись. – Предвидя твой вопрос, Даниэла, расскажу и о себе. У моих родителей долго не было детей, а им очень хотелось. Когда наконец появилась я, они заспорили: папа хотел назвать меня Розой, а мама – Линдой. В конце концов спор зашёл так далеко, что два благородных рода пошли друг на друга войной. Сражение длилось пять долгих лет. Когда почти всех перебили, оставшимся ничего не оставалось, как примириться. Так в шесть полных лет я получила свое имя – Розалинда. Но, несмотря на это, папа всё равно зовёт меня Розой, а мама – Линдой. Так что благодаря своему имени я недосчитываюсь очень многих из родни с двух сторон.

Время летело незаметно. Официант приносил всё новую и новую выпечку, то и дело подливал гостям чай. Поймав удивлённый взгляд Даниэлы, Розалинда объяснила, что все лимбы очень любят сладкое – и могут съесть его очень много! Иногда, имея конфету в кармане, можно разрешить любой спор. «Разве ты не заметила, какая обжора Ария? Она ведь бывала у тебя в гостях!» Тут уж никто не смог удержаться от смеха. Ария обиженно возмутилась и заявила, что это – дурацкая шутка! И вообще она не сладкоежка! Розалинда с Мирабель примирительно обняли её, расцеловали в щеки. Неожиданно Ария сняла с волос заколку, и её розовые мягкие волосы вмиг рассыпались по худеньким плечам. А заколку в виде жёлтого пиона она протянула Даниэле:

– Она не волшебная, а просто очень красивая, я купила её в Париже. Даже деньги настоящие заплатила – так она мне понравилась, – объясняла Ария, закалывая Даниэле волосы.

Все снова рассмеялись, потому что лимбы не имеют обыкновение платить за что-либо деньги. Зачем? Они и так всё, что хотят, могут взять или наколдовать.

– Но заколку я купила! – настаивала Ария. – Купила! Купила! Купила!

Так они и болтали наперебой обо всем подряд. Даниэла только и успевала слушать, вертеть головой и кивать. И тут настенные часы громко пробили шесть вечера.

– Пора! – объявила Ария. – Спасибо за чудесный вечер, Даниэла! Захочешь увидеть кого-нибудь из нас – просто представь! Ну, ты же это умеешь! – Они торопливо расцеловались с ней на прощание и вмиг исчезли.

Подошел официант, расторопность и услужливость которого вмиг улетучились. Он принял свой прежний ленивый вид.

– До свидания. Ваш счёт оплачен. – Глаза его смотрели отрешённо, он совсем перестал замечать Даниэлу, сосредоточенно собирая на поднос чашки, блюдца и ложки. Даниэла тороп-

ливо натянула куртку, шапку и выскочила на улицу. Вдохнула свежего морозного воздуха, звонко рассмеялась, спугнув стайку голубей, собирающих крошки у кафе. Лимбы ей чрезвычайно понравились!

Она весь вечер вспоминала об этой необыкновенной встрече. Кажется, теперь она только о ней и думала.

* * *

Пролетела последняя неделя ноября, и в среду к вечеру пошёл снег – крупными, мягкими хлопьями. Запахло настоящей зимой. Люди торопились домой, кутаясь в куртки и пальто. Даниэла шла из пекарни с батоном и сливками к чаю. Она грустила: совсем перестать мечтать трудно, только тебе в голову пришла интересная мысль – сразу же запрет! Но нет, никаких книг для мира Лимб!

Неожиданно путь ей преградила женщина в зелёном драповом пальто, таком длинном, что подол прикрывал подошвы её сапог. На лицо бросала тень широкополая шляпа с павлиньим пером. Даниэла с ужасом остановила взгляд на приколотой к воротнику пальто броши в виде золотого дракона с красными рубиновыми глазами. Свет фонаря, отражаясь в этих глазах, оживлял дракона – из его расширенных ноздрей вырывались клубы горячего пара. Размахивая крыльями, он намеревался взлететь, целясь когтями прямо в лицо Даниэле. Она непроизвольно шагнула назад, попавшая под подошву льдинка заставила её заскользить и, теряя равновесие, Даниэла непременно упала бы, но женщина придержала её за плечо, встряхнула. И, только когда Даниэла узнала в ней Мирабель, они обнялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.